

Комната из
ЛИСТЬЕВ

Кейт
Гренвилл

*Брак с безжалостным тираном,
стремление к недоступной для женщины
власти в обществе. Элизабет Макартур
управляет своей жизнью с рвением и страстью,
с помощью хитрости и остроумия.*

Голоса времени

Кейт Гренвилл

Комната из листьев

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(8Авс)

Гренвилл К.

Комната из листьев / К. Гренвилл — «Издательство АСТ»,
2020 — (Голоса времени)

ISBN 978-5-17-137872-1

Что если бы Элизабет Макатур, жена печально известного Джона Макатура, «отца» шерстяного овцеводства, написала откровенные и тайные мемуары? А что, если бы романистка Кейт Гренвилл чудесным образом нашла и опубликовала их? С этого начинается роман, балансирующий на грани реальности и выдумки. Брак с безжалостным тираном, стремление к недоступной для женщины власти в обществе. Элизабет Макатур управляет своей жизнью с рвением и страстью, с помощью хитрости и остроумия. Это роман, действие которого происходит в прошлом, но он в равной степени и о настоящем, о том, где секреты и ложь могут формировать реальность.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(8Авс)

ISBN 978-5-17-137872-1

© Гренвилл К., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

От редактора	6
Мемуары Элизабет Макартур	8
Часть 1	8
Часть 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Кейт Гренвилл

Комната из листьев

Kate Grenville
A Room Made of Leaves

© Kate Grenville, 2020
© Новоселецкая И., перевод, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Посвящается всем тем, о ком умалчивает история

«Не спешите верить!»
Элизабет Макартур

История, описанная в этой книге, разворачивается в стране, где коренным населением являются австралийские аборигены и жители островов пролива Торреса, и я отдаю дань уважения их старейшинам прошлого и настоящего.

Я благодарна за содействие членам Корпорации по охране культурно-исторического наследия народа даруг и Сиднейского совета по вопросам земель коренного населения. Они великодушно согласились проконсультировать меня по вопросам фактического материала, использованного в книге, и я за это им глубоко признательна.

От редактора

Воистину невероятная и – что удивительно – малоизвестная история о том, как были обнаружены некогда утраченные тайные дневники Элизабет Макартур.

Некоторое время назад в ходе реставрации одного из исторических зданий Сиднея в щели между балкой и крышей была обнаружена жестяная коробка. Она была запечатана воском и завернута в промасленную парусину. В этом доме, под названием Элизабет-Фарм, проживала до самой смерти Элизабет Макартур (скончалась в 1850 г.), супруга одного из первых переселенцев – скандально известного Джона Макартура. Коробка была забита старыми тетрадями, которые с трудом поддавались прочтению, потому как ради экономии места были исписаны вдоль и поперек. Удивительным образом она пролежала в тайнике долгие годы, а потом посредством целого ряда событий, столь невероятных, что нарочно не придумаешь, попала ко мне в руки. Оказалось, что эти тетради – некогда спрятанные мемуары хозяйки дома.

В этих личных записках, которые Элизабет составила на закате жизни, она отходит от своего публичного образа, сложившегося на основе официальных документов. Они представляют собой череду пылких излияний, фрагментов воспоминаний, озаренных светом страстного чувства. Порой с шокирующей откровенностью эти записки предлагают нам заглянуть в самую глубь ее сердца.

В истории Австралии, как и в истории почти любой другой страны, главная роль отведена мужчинам. Уделом женщин обычно была безвестность, и мало кому из них удавалось заявить о себе во весь голос. Одной из этих немногих слыла Элизабет Макартур, однако до сей поры ее личность оставалась загадкой. Ее невероятные деяния заслуживают наивысшей похвалы, но что она была за человек – что ею двигало – к сожалению, всегда являлось тайной за семью печатями.

Урожденная Элизабет Вил появилась на свет в 1766 году в семье фермера из крошечного селения Бриджрул в графстве Девон. Девочкой она была принята на воспитание в семью местного священника и выросла в среде, подобной той, что окружала Джейн Остин, с которой они считались почти что современницами. В 1788 году Элизабет вышла замуж за военного и год спустя вместе с супругом и их маленьким сыном отплыла в Новый Южный Уэльс, где недавно было основано поселение для каторжников. Утонченная молодая женщина из прихода Бриджрул, словно роза, брошенная в выгребную яму, внезапно оказалась в обществе грубых жестоких людей в самом далеком уголке земного шара.

Во-первых, непонятно, что вообще ее побудило выйти замуж за энсина¹ Джона Макартура. Природным обаянием он не был наделен. Элизабет сама, характеризуя своего супруга, писала, что он был «не в меру горделивым и заносчивым, учитывая наше скромное положение и безрадостные перспективы». Красотой Джон Макартур тоже не отличался: лицо его было изрыто оспой, которой он переболел в детстве. Сын торговца мануфактурными товарами, он не мог похвастать ни богатством, ни знатностью и, кроме своего половинного жалования, другими источниками дохода не располагал. В мире Джейн Остин такой брак вряд ли был бы возможен.

В одном Джону Макартуру нужно отдать должное: он был нацелен на успех, шел к нему с беспощадной напористостью. Прибегая к таким методам, как запугивание, лесть и обман, спустя десять лет после прибытия в колонию он стал самым богатым и влиятельным человеком в Новом Южном Уэльсе.

¹ Энсин – в сухопутных и военно-морских силах некоторых западных стран низшее офицерское звание, соответствующее званию мичмана в русском флоте. (Здесь и далее примечания переводчика)

Один историк, у которого Макартур вызывает восхищение, называет его «бунтарем». Что ж, полагаю, можно и так охарактеризовать человека, который стрелялся на дуэли со своим командиром и организовал заговор с целью смещения губернатора. За каждую из этих провинностей Макартура отсылали в Лондон, где он предстал перед судом. Первый раз он покинул Австралию на четыре года, второй раз – на восемь лет, оставляя свой бизнес на попечение супруги.

Австралийцы моего поколения с детства усвоили, что «наша страна едет верхом на овце» – т. е. основу австралийской экономики составляет шерсть – и что Джон Макартур по праву считается «отцом шерстяного овцеводства». В его честь названы улицы, бассейны и парки по всей Австралии.

Но вот что интересно: австралийский меринос – порода овец, на которых мы «едем» – была выведена, главным образом, в те годы, когда Джон Макартур находился в Англии. И выходит, что «отец шерстяного овцеводства» на самом деле «мать» – его супруга.

Так что же за человек была Элизабет Макартур? Как ей удалось выстоять в браке, пожалуй, с одним из самых неуживчивых мужчин на планете? Где она научилась управлять гигантским фермерским предприятием, разводить тонкорунных овец, держать в узде рабочую силу – грубых и жестоких преступников? Перед подобными трудностями, пожалуй, спасовала бы даже самая бесстрашная из героинь Остин.

И вот перед нами встает проблема. Супруг Элизабет оставил после себя гору документов, проливающих свет на его личность, но о самой Элизабет письменных источников всего ничего: несколько бессодержательных писем на родину близким и друзьям, неоконченный рассказ о путешествии в Новый Южный Уэльс, скучная переписка со взрослыми детьми. Наверное, судить о ее характере можно было бы по письмам, что она отправляла мужу в периоды его продолжительного отсутствия, однако, как ни странно, ни одно из них ни разу нигде не всплыло.

Волей обстоятельств Элизабет Макартур была вынуждена вести жизнь, невысказанную для женщины ее социального статуса и того времени, но благодаря определенным качествам своей натуры она сумела побороть эти обстоятельства и обратить их себе на пользу. Ее персону завораживала не одно поколение историков. Как же раздражало, сводило с ума полнейшее отсутствие всяких материалов, которые могли бы раскрыть ее личность! Так было до последнего времени.

Я не сделала ничего особенного: просто расшифровала записи, что хранились в жестяной коробке. Местами старые чернила настолько поблекли, что текст не поддавался прочтению, и тогда, естественно, мне приходилось призывать на помощь свое воображение. Много времени я потратила на то, чтобы скомпоновать воспоминания Элизабет в наиболее приемлемом, на мой взгляд, порядке, но на том мое вмешательство заканчивается. Элизабет Макартур сама рассказывает историю своей жизни. Я рада, что мне выпала честь первой прочитать ее мемуары и подготовить их к публикации.

*Кейт Гренвилл,
редактор и составитель*

Мемуары Элизабет Макартур

Часть 1

Мой дорогой сын Джеймс попросил, чтобы свои последние годы или месяцы – то время, что мне еще отпущено, помимо тех долгих лет, которые я прожила, – я посвятила выполнению одного его поручения, а именно: написала «Подлинную историю Макартуров с Элизабет-Фарм». То есть рассказала о себе и своем покойном муже Джоне Макартуре.

Едва супруг мой был погребен, его начали превозносить как героя, даже те, у кого при жизни он не вызывал ничего, кроме неприятия. С набожной почтенностью упоминали его имя, возводили к небу глаза, складывали руки подобно священникам, изрекая лицемерные славословия. Должно быть, это один из изощреннейших способов мести со стороны тех, кто пережил своего врага.

«Подлинная история Макартуров с Элизабет-Фарм». От одного этого названия меня дрожь пробирает до костей. Даже слово «подлинная» в данном случае само по себе нелепость. Что значит «подлинная» история? За одной «подлинной» историей кроется другая, столь же неопровержимая и упорядоченная.

Но Джеймс не позволил мне уклониться от выполнения поставленной задачи. Он перебрал все выдвижные ящики в письменных столах и извлек на свет все, какие смог найти, останки прошлого, чтобы стимулировать мою угасающую память. Я смотрю на них с чувством, близким к отвращению. Когда-нибудь в невообразимом будущем какой-нибудь читатель примется внимательно изучать эти свидетельства, надеясь проникнуть в тайны прошлого. Этому человеку и всем, кто сейчас меня читает, я могу сказать одно: «Не спешите верить!».

И что же это за свидетельства прошлого?

Во-первых, адресованные мне письма мужа – тридцать девять посланий.

Он уже двенадцать лет лежит в сырой земле, а меня до сих пор сжимает страх, когда я смотрю на знакомый почерк. Настроение его писем я распознавала сразу – по тому, как он обращался ко мне. Дорогая Элизабет. Моя дражайшая Элизабет. Моя самая родная Элизабет. Моя любимая Элизабет. Моя родная, любимейшая Элизабет. Это был самый верный признак: чем больше нежностей содержало обращение, тем неприятнее было само письмо.

Во-вторых, одно письмо Элизабет Макартур к мужу – с десятков строк, второпях начерканных незадолго до его смерти. Никаких откровений – только радостные новости о семейных делах.

В-третьих, двенадцать писем к моим друзьям и родным в Англии – разумеется, копии, которые я всегда делала по настоянию мистера Макартура. Безупречные документы, ханжеская ободряющая ложь от первой до последней строчки, приправленная хвастовством.

В-четвертых, мои записки о первой части нашего путешествия из Англии в Новый Южный Уэльс в 1790 году. Подразумевалось, что этот очерк будет опубликован, а потому в нем фактически нет информации непосредственно обо мне самой.

В-пятых, два миниатюрных портрета – Джона Макартура и Элизабет Макартур – на слоновой кости – неперемные атрибуты любого знатного господина и его благородной супруги. Ну, а то, что в Новом Южном Уэльсе не было ни слоновой кости, ни мастеров, владеющих подобной техникой живописи, мистера Макартура совершенно не смущало. По его задумке, местный художник, господин Буллен, должен был сделать эскизы, которые мистер Макартур затем собирался отослать некоему миниатюристу из Мейфэра, а тому предстояло перенести изображения на пластины из слоновой кости. Соответственно, портреты близки к оригиналам,

хотя передача сходства не была самоцелью. Предназначение дорогих портретов – украшать гостиную, пусть кто-то из гостей и не узнает тех, кто на них запечатлен.

Мистер Макартур позировал, сидя вполоборота. Все в его облике – сплошь косые линии, выдающие настороженность, коварство, уклончивость. Надменно выпяченный подбородок, задиристая нижняя губа, горделивая посадка головы. Выбрав, как он считал, аристократическую позу, мистер Макартур даже не догадывался, что портрет отражает самые худшие грани его натуры.

Что касается меня, я с удовольствием позировала господину Буллену анфас и была довольна тем, что он рисовал. Однако мистер Макартур неизменно находил, к чему придраться. Я слишком заурядна, выражение лица слишком открытое. Подбородок квадратный, глаза немного косят, улыбка излишне широкая или – на следующем наброске – рот вообще не улыбается. Бедняга господин Буллен черкал и стирал, раз за разом повторяя попытку, пока бумага не тончала до дыр и ему не приходилось брать новый лист. Наконец эскиз, который устраивал мистера Макартура, был готов, но я уверена, что в изображенном на нем воздушном создании с локонами и ямочками на щеках меня вряд ли кто-то смог бы признать.

Однако именно эти портреты четы Макартуров отправятся в будущее. И люди, рассматривая их, станут говорить: ах, какой он решительный и властный человек! А какая у него очаровательная миленькая жена – на портрете это явственно видно!

Моим первым побуждением было сжечь весь этот бумажный хлам. Но теперь у меня возникла идея получше. Вместо того чтобы разводить костер, я составлю еще один документ, который покажет, что все сохранившиеся письменные материалы – не более, чем напыщенный художественный вымысел, коим они и являются на самом деле. То, что я пишу здесь, это мучительная правда, которую прежде я не смела облечь в слова.

Весенний день близится к вечеру, тени удлиняются – сладостная пора, моя любимая. Я охвачена волнением, грудь сдавливает в предвкушении постыдного удовольствия, что я получу, приступив к осуществлению своей идеи. Слава богу, что я его пережила. Я думаю об этом с замиранием сердца. Многие были бы поражены – или изобразили бы потрясение, – знай они об этом. Но я выхожу в благоуханный сумрак и говорю себе: я еще жива. Еще жива и – наконец-то – вольна рассказать, как все было.

Я не сирота

Моя сестренка Грейс умерла во младенчестве. Мне тогда было пять лет. Детям в столь нежном возрасте еще не знакомо слово «смерть». Я с трудом понимала даже то, что у меня есть сестра, все надеялась, что это новое существо в доме – орущий красный комочек – поселилось у нас лишь на время.

У мамы еще глаза не просохли после похорон сестры, как папа тоже заболел и умер. Его уход нужно было как-то мне объяснить. «Он теперь с ангелами. На небесах», – говорили мне близкие и знакомые, рассчитывая, что я поверю им на слово.

– Нет, – кричала я, глядя на гроб, что стоял на козлах в гостиной. – Вытащите его оттуда! Ему же нечем дышать!

Во время церковной службы я постоянно оборачивалась к двери, ожидая, что папа вот-вот войдет и сядет с нами. Мама любила рассказывать, как я крутилась и вертелась на скамье, бежала к выходу, звала отца, высматривая его на улице. «Успокоить тебя было невозможно, – говорила она, с горечью смеясь. – «Папа! Папа!» – звала ты, пока мистер Бонд не вывел тебя из церкви. Твои крики были невыносимы. Конечно, я тоже хотела увидеть его на дорожке, что ведет в церковь, но каждый твой вопль «Папа!» был для меня как нож в сердце».

А до этого я жила с ощущением, что день может длиться столько, сколько я захочу, и мне ни минуты нет нужды сидеть дома. Меня окружали поля и животные, которые вели свое существование, тесно переплетавшееся с моим собственным. Когда ладошки мои подросли, я научилась доить коров. С дойкой связано мое едва ли не единственное воспоминание об отце. Запах его твидовой одежды, обволакивающее тепло его большого тела. Он брал мои руки в свои, клал их на вымя, оборачивая мои пальчики вокруг влажных мягких коровьих сосков. Я слышала, как он довольно посмеивается, видя, что я усвоила движения, от которых молоко шипящей струей льется в ведро.

Мама не могла смириться с участью вдовы Ричарда Вила с фермы Лоджуорси. Смерть папы ее подкосила, а, может, она всегда была лишь тенью своего мужа. Мама чахла, болела, подолгу просиживала у камина в угрюмой молчаливой рассеянности, горестно вздыхая. Я на цыпочках обходила ее стороной, страшась этого взрослого отчаяния.

Однажды утром я услышала ее разговор под окном. Речь ее была тихой, но отчетливо доносилась до меня.

– У меня даже нет сына, который занял бы его место, – сказала она, под словом «его» подразумевая отца.

Мистер Кингдон что-то пророкотал в ответ, но в его рокоте слов я не разобрала.

– В лучшем случае я могла бы рассчитывать на зятя, если она сумеет сделать партию, – добавила мама, под «она» имея в виду меня.

Мистер Кингдон, вероятно, попытался приободрить ее какой-то раздражающей банальностью из тех, что всегда наготове у священников, подобных ему, потому как мама отвечала ему желчным тоном:

– Сэр, конечно, я буду и молиться, и уповать на лучшее – это сколько угодно. Но сейчас есть только я и строптивая девчонка, которой нечем рекомендовать себя: красотой не блещет, за душой – ни гроша.

Навалившись на подоконник, я лениво прислушивалась к разговору мамы и священника. Я не беспокоилась, что они, возможно, видят меня, но при последних словах мамы я отпрянула от окна и сжалась в комочек у стены. Строптивая девчонка. Этим определением – строптивая – мама обрисовала мой образ, в котором я не узнавала себя. В моем представлении я была заводная, вспыльчивая по характеру, имела острый ум и острый язычок, нередко навлекавшие на меня неприятности. И теперь вот узнала, что человека, наделенного такими качествами, называют строптивым. А строптивные люди – судя по тону мамы – непривлекательные и неприятные. Такие никому не нравятся.

Меня вдруг обдало жаром стыда – за то, что я строптивая, некрасивая, не имею ни гроша за душой. За то, что никто не захочет взять меня в жены. И за маму мне тоже было стыдно, – за то, что она столь презрительно отзывалась о родной дочери. В нос мне бил запах пыли, осевшей на шторах; в щель между нижним краем занавесок и полом тянуло холодом. Тот запах и сквозняк до сих пор ассоциируются у меня с осознанием той ужасной истины, что открылась мне, когда я услышала мамины слова: я не сирота, но все равно что сирота, хоть обо мне пока еще есть кому позаботиться.

Стада и вожаки

Со смертью папы наша ферма, по закону о майорате², отошла моему троюродному брату Джону Вилу. Тот прямым текстом не указал нам на дверь, зато прислал повозку с пустыми

² Майорат (от *лат.* *maior* – старший) – порядок наследования имущества при обычном праве, согласно которому оно целиком переходит к старшему из мужчин в роду или семье.

сундуками и ящиками, а также веревками для перевязки скарба и несколькими мешками с опилками, в которые следовало уложить фаянсовую посуду.

Нам было предложено переехать к дедушке – в отчий дом мамы, – а дед был пожилой человек, со своим устоявшимся укладом. Нашу посуду из опилок никто не доставал, сундуки с нашим скарбом, не открывая, поместили в сарай. В дом нам разрешили взять только по ящичку с личными вещами. Так что мы спали на постельном белье дедушки и ели с дедушкиных тарелок. Мама имела небольшое приданое, которое позднее досталось мне, потому ей не приходилось просить дедушку, чтобы он дал ей денег на новую пару обуви для меня или новый капор для нее самой. Но это была незначительная сумма денег, которых хватало лишь на карманные расходы. И тоже от щедрот дедушки, ведь некогда ее приданое выделил ей он.

Я тосковала по Лоджуорси. Как-то раз, уже живя у дедушки, мы с мамой проходили мимо нашей бывшей фермы. Я кинулась к воротам, схватилась за знакомую щеколду. Мама поспешила взять меня за руку и оттащить назад. Она объяснила, что я вторгнусь в чужие владения, если отодвину щеколду и ступлю за ворота. А нарушение границ расценивается как воровство. Теперь я могу войти на ферму только по приглашению. Мне нельзя там находиться. Я вправе наведываться туда только в качестве гостя.

Помнится, я стояла у ворот и возмущенно кричала, а мама крепко держала меня за руку. Строптивая девчонка, я вырвалась от нее и побежала к дому. «Элизабет! Элизабет!» – звала она, пытаясь остановить меня. Я поднесла руку к двери, собираясь постучать. Только прежде для меня это была родная дверь, мне никогда не приходилось стучаться в нее. А теперь я увидела перед собой глухую равнодушную деревянную преграду и, представив, как ее открывает бледная неприветливая жена Джона Вила, я невольно опустила руку.

Мама ждала меня за воротами. На меня она не смотрела. Я с силой захлопнула за собой ворота, так что мне показалось, будто что-то хрустнуло, и мы с мамой в молчании продолжали путь.

Теперь я и сама понимаю, что была строптивой девчонкой. Только я упрямылась не из пустой несговорчивости: у меня были свои устремления, и я проявляла волю. Разве я была не вправе чувствовать то, что я чувствовала, быть тем, кем я была?

Как и все наши соседи, жили мы вполне неплохо, но придерживались принципа бережливости. Дедушка признавал лишь один источник света – бесплатный: большое светило Господа. Питались мы тоже от щедрот Господа: ели яйца, что несли наши куры, капусту с нашего огорода, в скромных количествах мясо свиньи, зарезанной на Рождество.

Дедушка человек был совершенно не мирской, вел жизнь во славу Господа. Все его домочадцы регулярно посещали церковь, бесконечно вели разговоры о промысле Божиим и с чувством благодарили Господа за пищу, что он нам посылал. По воскресеньям мы дважды ходили в церковь, каждый вечер читали Библию и молились за столом перед сном.

Я, хотя была маленькой, понимала, что не следует задавать вопрос, на который не получу ответа. Если Господь добр, почему папа умер? Вместе со всеми я склоняла голову, произносила «аминь», словно искренне верила в то, что делаю, но это была ложь. Моя первая ложь. Из-под ресниц я наблюдала за мамой, думая, что она тоже лицемерит, но ни разу не поймала ее на лжи.

При этом дедушка был добрый человек и любил меня. Разрешал мне бродить по полям, строить шалаши из ветвей и листьев, забираться в них. Разрешал бегать под дождем и на склоне за домом перегораживать ручей, роя для него другое русло. Этим я с самозабвением занималась целыми часами.

– Чистый ребенок не бывает счастливым, – говорил он маме, когда та принималась меня ругать.

Дедушке принадлежал довольно обширный участок земли, на котором он выращивал всего понемногу: ячмень, репу, траву на сено. Но его любовью были овцы. С важным видом он расхаживал между ними, и они кидались врассыпную, со всей мочи убегая на негнувшихся ногах, а потом поглядывали на него с безопасного расстояния.

– Господь предназначил им держаться стадом и следовать за пастырем, – говорил мне дедушка. – Они компанейские существа. А вот мы, несчастные грешники, веруем, что способны со всем справиться в одиночку.

Мама считала, что овцы – создания глупые, но она ошибалась. Овцы не глупы, просто поведением отличаются от нас. Я научилась их любить и понимать, научилась заботиться о них. Они вполне покорны, если уважать их природу, а не идти против нее; эти животные вовсе не бестолковы. Дедушка показывал, как добиваться от них послушания. Нужно держаться за ними, дожидаясь своего часа. Они оборачиваются к тебе, а ты пристально смотришь на них, ждешь, когда они повернутся в ту сторону, в какую ты хочешь их направить. А потом поднимаешь посох, придавая себе внушительности.

Как можно не умиляться существу, которое, стоит тебе приблизиться к ее ягненку, выбегает вперед, становится перед ним и начинает бить копытами? Несчастное создание, по-другому она никак не могла защитить своего детеныша. Я смеялась, восхищаясь ее смелостью.

– Господь смиряет ветер для остриженной овцы, – говорил дедушка, наблюдая, как ягненок спотыкается, падает и снова поднимается. – Помни об этом, Лизбет, когда жизнь станет нещадно трепать тебя.

Дедушка научил меня всему, что должна уметь будущая жена фермера: сбивать масло, лечить заболевшую домашнюю птицу. И считать овец, – не так это просто, как может показаться на первый взгляд.

– Считаю поголовье, никогда не полагайся на свою память, – говорил дедушка присущим ему спокойным назидательным тоном. – Овцы, они ведь такие... с ними всегда можно сбиться со счета. Пересчитывая отару, всегда завязывай узелки. Или делай метки. Считаю двадцатками. Отсчитала двадцать голов, сделала метку.

Дедушка вытащил из кармана кусок веревки с узелками, завязанными во время последнего пересчета. Распустив узелки, он отдал веревку мне.

– Вот теперь не ошибешься. – По его голосу, который наполнился нежностью, я поняла, что он улыбается.

Дедушка был что называется фермером-реформатором. В детстве я полагала, что под этим подразумеваются недовольство строптивым ребенком, непоколебимая убежденность в том, что есть добро, а что – зло, и несгибаемая вера в то, что все сущее – в руках Всевышнего. Теперь я знаю, что дедушка, несмотря на свой возраст, был фермером нового типа, и что слово «реформатор» в его случае означало стремление улучшить породу. Какой же ажиотаж поднялся на ферме – даже сдержанный дедушка выказывал признаки волнения, – когда он купил барана у некоего мистера Бейкуэлла. Я думала, пока его не увидела, что это овечий торт или пирог – нечто вкусное, но оказалось, что это обычная овца с шерстью и рогами. Я была жутко разочарована. Барана доставил на телеге человек по фамилии Хейл. Он взял животное за веревку и, словно принца, повел его через наши ворота. Я в это время гладила собаку, что мистер Хейл привез с собой.

– Осторожней, девонька, – предупредил тот. – Ногу тебе обмочит, если будешь стоять, как столб.

Мне его шутка понравилась, но дедушка рассердился. Я видела, что мистера Хейла он считает деревенщиной.

Взяв барана за рога, дедушка задрал вверх его морду, а мистер Хейл тем временем – одна большая шляпа, как мне он виделся с моего места – склонился над животным и огромными грубыми ладонями раздвинул его шерсть: под тусклым серым верхним слоем проглядывало кремовое руно.

– Что, нравится? Поди, не прочь с десятков таких удальцов запустить к своим прелестным дамам, а?

– Вы забываетесь, – осадил его дедушка. – Будьте так любезны, следите за своей речью, мистер Хейл. Или вы не видите, что здесь с нами юная леди?

Меня его слова удивили вдвойне. Во-первых, что бы ни имел в виду мистер Хейл, вероятно, это несло на себе печать греха; во-вторых, оказывается, девятилетняя девочка – юная леди, которую должно оградить от того, что он подразумевал.

Мистер Хейл смерил меня взглядом. Наверно, тоже удивился, не меньше моего, что оборванка в юбке с заляпанным грязью подолом – это юная леди. Потом вместе с дедушкой они принялись тихо обсуждать извитость и жирность шерсти, а я раскачивалась на воротах – туда-сюда, туда-сюда, – обдирая грязь с башмаков о нижнюю перекладину, на которой оставался аккуратный ряд комков глины. Хотя смысла в том большого не было, поскольку моим башмакам суждено было отяжелеть от грязи сразу же, как только я слезу с ворот. Весеннее водянистое солнце, блеяние ягнят в поле, приглушенные голоса дедушки и мистера Хейла, баран с немигающими глазами, ожидавший, когда его спустят с поводка – все это я и по прошествии семидесяти лет помню в мельчайших подробностях, будто видела только вчера.

После ухода мистера Хейла, пока мы с дедушкой стояли среди овец, шуршавших и блеявших вокруг нас, он объяснил мне, зачем приобрел этого барана, отдав за него целых пятнадцать гиней – по мне, бешеные деньги, тем более что баран этот, на мой взгляд, ничем не отличался от любой другой овцы. Это замечательная крупная особь, сказал дедушка, здоровый активный самец, с великолепным руном. После того как он случит его с нашими овцами, родившимся ягнятам передадутся его мясистость, отменная шерсть и энергичность. Ну а затем запускается так называемый процесс внутривидового разведения: каждую весну отбираются самые лучшие овечки, которых спаривают с тем же сильным бараном и другими, что есть в стаде, чтобы получить нового крепкого самца и не допускать близкородственных случек.

Как только я поняла, восторгу моему не было предела. Казалось, это все равно что пытаться заглянуть в будущее, увидеть, что произойдет через десять лет, если избрать один путь, или убедиться, что лучше пойти другим.

Теперь, записывая свои воспоминания, я понимаю, что это относится не только к овцам, но и к людям.

Не быть слишком умной

С Брайди, дочерью преподобного Кингдона, мы дружили с раннего детства. Ферма Лоджуорси находилась близ реки, протекавшей у подножия холма, а дом священника стоял на вершине этого самого холма, возле церкви. Мы с Брайди почти все дни проводили вместе, а после того, как нам с мамой пришлось переселиться к дедушке, я зачастую и ночевала у нее, потому что от дома священника до фермы дедушки путь был неблизкий. Всем было проще, если я оставалась погостить у Кингдонов несколько дней подряд, нежели ходить туда-сюда. Мы с Брайди спали на одной кровати в ее комнате. Миссис Кингдон заходила к нам перед сном, подтыкала под нас одеяло и гасила светильник. Брайди была мне как сестра.

Мистер Кингдон был выпускником Оксфордского университета и считал, что приобретение знаний столь же насущная необходимость, как еда и питье. Всех своих сыновей он отправил в школу. Девочке, он полагал, в школу ходить необязательно, но сам много времени посвящал обучению Брайди. И заметил, что она более внимательна на его уроках, если занимается

не одна, а с подругой. Я схватывала на лету, гораздо быстрее, чем Брайди, если уж говорить честно, и моя сообразительность доставляла ему удовольствие. Мы постигали такие дисциплины, как чтение, письмо, элементарная арифметика, заучивали королей и королев Англии и главные реки мира в алфавитном порядке. Латынь, но только в том объеме, чтобы суметь прочесть девиз на гербе Кингдонов: «Regis donum gratum bonum».³

Мистер Кингдон был доволен моими успехами, но, когда однажды он привел меня в свой кабинет, где показал список слов, которые попросил меня прочесть одно за другим, я почувствовала, что должна проявить осторожность. Как я догадалась? Что я могла об этом знать?

Я не объяснила бы ни тогда, ни теперь, почему решила скрыть, что умею хорошо читать. Первые слова, что показал мне мистер Кингдон, были очень, очень, очень легкими. Брайди, как и я, прочла бы их без труда. Потом пошли слова позакковыристей. Я продолжала читать, но медленнее. Мистером Кингдоном, я видела, владеют сложные чувства: любопытство, радость, удовлетворение. И еще что-то. Поэтому, дойдя до слова «подполковник», а оно довольно длинное, я запнулась. Сказала:

– Не могу его прочесть. – Хотя для меня это слово было таким же легким, как и все остальные.

И заметила, что мистер Кингдон расслабился, будто бы обрадовался. Я была разочарована. Почему он с такой готовностью принял мое поражение? Едва не брякнула: «О, теперь я вижу, что это – «подполковник»!». Но, еще будучи ребенком, я уже понимала, – хотя мне о том никто не говорил, – что мне лучше не кичиться своим умом.

Барана прикупил

А потом к нам наведалься Джон Лич. Он приехал купить у дедушки барана, и если б не начался сильный дождь, он бы купил барана и уехал. Но пошел дождь, и дедушка пригласил его в дом, предложив поужинать и переждать непогоду. Оказалось, что Джон Лич был знаком с двоюродным братом матери, жившим в Тонтоне, и однажды в Холсуорси встречался с моим отцом. И даже я, одиннадцатилетняя девочка, заметила, как моя мама оживилась от его знаков внимания.

Но девочка к Джону Личу не прониклась добрыми чувствами, ей не нравилось, что он задался целью очаровать ее маму; она оставалась замкнутой и угрюмой, когда он пытался с ней заигрывать, задавал смешные вопросы об ее ценке и рукоделии. Да и вообще какая разница, что девочка с ним не особо почтительна? Ведь этот краснорожий верзила приехал купить барана; сейчас погрузит его на телегу и был таков.

Но потом Джон Лич стал приезжать просто так, не за бараном.

Словом, вдовец Джон Лич, искавший женщину, которая вела бы хозяйство в его доме и согревала ему постель, положил глаз на вдову Грейс Вил. Никаких разговоров о моем участии в этом союзе я не помню. Не помню, слава богу, слащавых объяснений относительно того, почему меня в новую семью не зовут.

Мама сообщила мне, что она с мистером Личем уедет жить в его дом в Сток-Климсленде, а я останусь с дедушкой.

– Тебе лучше остаться здесь, детка, – воскликнула она. – Ты сама не понимаешь, как тебе повезло! Ты ведь сможешь продолжить учебу!

Я знала: это просто предлог, чтобы не брать меня с собой. Мы с мистером Личем относились друг к другу, как два ошетилившихся пса. Я, конечно, хотела, чтобы мама по-прежнему принадлежала мне. А мистер Лич не желал, чтобы в его жизни появилась девчонка, которая мнит о себе бог весть что, потому что она берет уроки у духовного лица. Избалованная ленивая

³ Regis donum gratum bonum (лат.) – Благодарим короля за щедрый дар.

девчонка, нахватавшаяся жеманства в доме приходского священника. Такой вряд ли понравится, если ей велят вставать на заре и идти доить коров.

Да, правда, я не хотела жить с мистером Личем. Ведь он считал бы каждую ложку, что я подносила бы ко рту, твердил бы маме, что мне пора оторвать нос от книги и заняться делом. Но внутри меня разверзлась глубокая пустота, когда я поняла, что мама сделала свой выбор, причем не в мою пользу. Кому охота возиться со строптивыми девчонками?

На свадьбе я с букетом в руках стояла рядом с дедушкой и другими гостями. Мы осыпали маму рисом. Одна горсть угодила ей в щеку – из моей руки, как оказалось. Мама вздрогнула и на мгновение посмотрела прямо мне в глаза, что вообще-то случалось очень редко. И тогда я поняла то, о чем догадывалась и раньше: мама не очень-то жалуется на меня. Наверно, думает, что любит, ведь мать не может не любить свое дитя. Но один неосторожный взгляд выдал всё: она меня не любила.

А на следующий день Джон и Грейс Лич укатили прочь в его двуколке. На одном колесе я заметила сломанную спицу. По сей день помню эту сломанную спицу, помню, что, улыбаясь и маша им вслед, я старалась думать только о ней. Потому как не хотела задумываться о том, что прощаюсь с матерью навсегда. Сток-Климсленд находился не так уж и далеко, не то что Бат или Плимут, но с того дня меня не покидало чувство, что она живет на другом конце Земли.

Скоро у мамы родилась еще одна дочь. Изабелла Лич. Изабелла стала последней деталью новой картины, которая теперь сложилась раз и навсегда.

Но у меня оставался дедушка; он любил меня. Когда я в первый раз остригала овцу, он с улыбкой наблюдал, как бедное животное становится похоже на двух разных овец одновременно: с одной стороны – обтянутый кожей скелет; с другой – густая копна волнистой шерсти.

Ужалась до малого размера

Как-то так само собой вышло, что я переехала жить к Кингдонам. Решение было принято внезапно, заранее меня никто не предупреждал.

– Дедушка твой стар, – сообщил мистер Кингдон.

Вот и все объяснение. «Но дедушка всегда был старым», – хотела я возразить. Однако мистеру Кингдону возражать было не принято. Такое у него было благочестивое лицо, изрытое суровыми морщинами.

– Добро пожаловать, Элизабет, – сказала миссис Кингдон. – Мы рады, что ты стала членом нашей семьи.

В семье Кингдонов считалось зазорным расхаживать по грязи и навозу скотного двора в старом переднике и учиться брать барана за рога, так чтобы он не забодал. Одно дело – быть гостьей в этом доме, другое – жить в нем. Юной леди из семьи священника пачкать руки не положено; для выполнения грязной работы есть другие. Ее удел – не овцы и куры, а вышивание, французские и запошивочные швы.

Изменились и отношения между мной и Брайди. Теперь, живя в доме священника, я стала ей почти сестрой, и передо мной стояла задача не допустить, чтобы мы с ней раздружились. Иначе что ждало бы меня – непривлекательную девочку без денег и, можно сказать, без семьи? Куда податься девочке, которую, как мне казалось, все бросили – сначала отец, потом мать, а теперь вот и дедушка?

Я была вынуждена осторожничать, опасаясь совершить оплошность. А мое новое положение, в сущности, состояло из возможных оплошностей. Я старательно следила за своей речью, чтоб не высказать какое-нибудь смелое суждение, которое моих благодетелей заставило бы засомневаться: ой, пожалуй, она *все-таки* нам не подходит.

Осторожность вошла в привычку, с ней появилась и новая черта – нерешительность. Храбрая девочка, при виде которой дедушка улыбался, теперь ёжилась от грома, терялась, если требовалось принять даже самое пустяковое решение. Я не то чтобы перестала быть самой собой, но отличалась от себя прежней. Стала более услужливой, угодливой. Словно ужалась до малого размера и спряталась глубоко в себе, где меня настоящую никто не видел.

Так устроил господь

В ту пору, когда я поселилась у Кингдонов, мне уже исполнилось двенадцать лет, а Брайди была на несколько месяцев старше. Как-то раз миссис Кингдон отвела нас в сторонку и сообщила, что у нас скоро начнутся, как она выразилась, месячные. От смущения она говорила сердито, пытаясь подыскать более пристойную замену слову «кровь». Объяснила, как пользоваться прокладками.

Мы обе приутихли, а мы ведь были бойкие девчонки. С ума сойти! У нас между ног будет выделяться – кто бы мог подумать?! – кровь! И ее надо останавливать тряпочками, а затем незаметно относить их Мэри, только чтоб не видели Джон и Эймос, а она, постирав прокладки, уберет их в наш комод, чтобы мы могли воспользоваться ими в следующем месяце.

– Что, каждый месяц? – в ужасе воскликнула Брайди. – Прямо каждый-каждый?

– Да, душа моя, – ответила миссис Кингдон. – Если в какой-то месяц этого не будет, значит, ты беременна.

Она вздохнула.

– То, как Господь устроил свое Творенье, не всегда поддается разумению, – заметила миссис Кингдон. – Иметь детей – большая радость, а без этих дел детей не бывает.

Мы с Брайди ушли в сад. Шли, не глядя друг на друга. Наконец, она высказала то, о чем я и сама думала.

– Меня мутит от одной мысли об этом, – сказала она. – Со мной такого не случится.

Судя по голосу, Брайди действительно в это верила, что ее утешало. А я не верила, и из вредности захотела сорвать на ней злость, – чтоб не успокаивалась раньше времени.

– Значит, у тебя никогда не будет детей, – заявила я.

Мы обе знали миссис Деверо – жительницу нашей деревни. Она была замужем, но детей не имела. Над ней постоянно висел покров несчастья, и все говорили о ней с жалостью, словно она была слепой или незаконнорожденной.

– Ну да, не будет, – отозвалась Брайди. – И что в том плохого?

Она посмотрела на меня, и я прочла в ее глазах страх и отчаяние. Такие же чувства терзали и меня, ибо я была поставлена перед выбором, которого, в сущности, не было.

Потом, когда мы легли спать, я знала, что Брайди не может уснуть, думает, как и я, о том, что спокойное детство прошло, мы становимся женщинами, и нас швыряет в бескрайнее море взрослой жизни, в котором плыть придется без навигационных карт.

– Я никогда не выйду замуж, – произнесла Брайди в темноте. – Лизбет, ты спишь? Я никогда не выйду замуж.

И истерично рассмеялась. Этого ее исступленного смеха в гостиной никто никогда не слышал; только я понимала, что он означает. На людях, слыша легкомысленный хохот Брайди, я восхищалась её умением притворяться, ведь я-то знала, что она куда более глубокая натура. В то же время мне было страшно за нее – и за себя тоже: ведь не может человек всю жизнь изображать то, чего нет!

– Значит, станешь старой девой, – заключила я.

Мы надолго замолчали.

– Да, старой девой, – наконец произнесла она. – Незамужней. Монашкой. Ведьмой. Ведьмой из Бриджрула.

За окном что-то неясно проухала сова.

– Думаю, на самом деле ты смелее, чем я...

– Неужели больше никак нельзя? – перебила меня Брайди охрипшим от волнения голосом.

Сова снова заухала – грустно-грустно, и дерево постучало веткой в окно. Мне казалось, Брайди, как и я, думает: еще несколько лет, а потом каждая из нас станет либо женой, либо несчастной старой девой.

– Можно еще стать вдовой, – сказала я. – Это лучше, чем быть женой или старой девой. Главное – придумать, как это устроить. Безболезненно, конечно.

Она опять хохотнула, издав хриплый визгливый вскрик.

– Да, – согласилась Брайди, – и черный цвет очень идет женщине.

Я представила себе такую симпатичную гравюру в рамке: вдовы Бриджрула, вечно в черных одеяниях, вечно заняты повседневными делами, счастливо благоденствуют без своих почивших супругов. Но моя мама, к примеру, овдовев, не обрадовалась свободе. Обремененная вдовством, она как будто ужалась, скукожилась. Однажды призналась мне, что ненавидит вдовый траур, ненавидит, что замужние женщины смотрят на нее с жалостью, а то и с подозрением, крепче хватая мужей за руки.

– Мы могли бы открыть собственную школу, – промолвила Брайди. – Мисс Вил и мисс Кингдон. У них небольшая школа на холме. Ученицы любят их, и все вокруг только и говорят: «Как же мы раньше-то жили без этой школы на холме?». Это вполне осуществимо, Лизбет. У других же получается.

– Да, – согласилась я. – Осуществимо.

Но мы обе понимали, что не возможности обсуждаем, а просто пытаемся утешить друг друга.

Брайди уже как тридцать лет умерла, но я хорошо помню ее – мою самую преданную, искреннюю подругу, – такой у меня больше не было. Помню и то, что происходило в темном тепле нашей постели. Как мы ласкали друг друга. Как Брайди ласкала меня, я ласкала Брайди, все, что мы делали вместе. Мы никогда не говорили об этом. У нас не находилось слов, чтобы это описать. И мы совсем не стыдились. Это то, что случается между двумя человеческими существами само собой. Все это происходило по зову природы, дарило нам наслаждение столь же естественное и невинное, как еда, чтобы утолить голод, или вода, чтобы утолить жажду.

Куда ни посмотри

Теперь, повзрослев, мы стали замечать сексуальность повсюду. Вот пес, его маленькая блестящая штучка то появляется, то исчезает, а при виде сучки в состоянии течки он просто сходит с ума, кажется, только смерть может помешать его совокуплению с ней. Вот баран трогает копытом и обнюхивает овцу. Она с виду никак не реагирует, а сестры ее, не поднимая голов, увлеченно щиплют травку, словно демонстрируя: ой, мы так заняты, нам не до этого. Баран бросается на овцу, сжимает ее ногами. Несколько мгновений – и все кончено, а овца все так же щиплет травку.

Из нас двоих смелее была Брайди. То, о чем я только думала, она произносила вслух.

– Честно говоря, Лизбет, – заявила она как-то присущим ей сухим тоном, – если это то, что нас ждет в супружестве, то гори оно синим пламенем.

В Бриджруле мы не встречали среди жителей ни Троила и Крессиды⁴, ни Ромео и Джульетты. Но мы видели, что мужчины, если представлялась такая возможность, предавались любовным утехам с женщинами, практически с любыми. А женщины, если представлялась такая возможность, соглашались жить с любым мужчиной, неважно каким, при условии, что он мог предложить им будущее. Только в книгах мы читали про любовный восторг и вздохи. В книгах влюбленные вступали в брак на последней странице, а что было потом – покрыто тайной. Мы зачитывались книгами, но в них мы, девочки, не находили никаких намеков на то, что ждет нас в жизни.

Брайди могла позволить себе смелые высказывания, – по крайней мере, наедине со мной, – но лишь потому, что у нее были родители, которые о ней позаботятся, братья, которые ее защитят. Она могла рассчитывать на солидное приданое, которое выделит ей мистер Кингдон, когда придет время. Да, мы с ней смеялись вместе, но мой смех не был искренним. Красотой я не блистала. Не имела ни родственников, ни приданого. Да и солидных связей тоже. Моим единственным достоянием была девственность. И только она. Я начинала понимать, что должна продать свою непорочность с максимальной выгодой, ведь когда я ее лишусь, у меня больше ничего не останется.

Мы расцветали, превращаясь в юных девиц, и к нам стали захаживать молодые люди. Офицеры, расквартированные в казармах Холсуорси; учителя из школы, в которой учились братья Брайди; викарии. Когда мы входили в комнату, мужчины вскакивали на ноги. Когда шли к выходу, они подбегали, чтобы открыть перед нами дверь, как будто сами мы были не в состоянии повернуть ручку. Когда гуляли в полях, они перепрыгивали через низкий забор, чтобы, поддерживая нас под руки и за талии, помочь нам преодолеть перелаз. Но если бы не пышные платья и нижние юбки, в которые мы были облачены, если бы не шали, спадавшие с наших плеч, если бы не необходимость вести себя скромно, в силу чего мы были скованны в движениях, нам не требовалась бы никакая поддержка. Вся эта изысканная учтивость, вся эта банальная галантность лишь подчеркивали тот факт, что мы обладаем чем-то столь драгоценным, что нас нужно охранять.

Драгоценным – или опасным? Это было не совсем понятно.

Ни она, ни я никогда не оставались с кем-либо из этих мужчин наедине, с глазу на глаз. Общение с противоположным полом неизменно сводилось к пустой светской болтовне в присутствии других людей. В детстве мы с Брайди любили бродить в полях и по улочкам деревни, но теперь такие прогулки не приветствовались, разве что – словно бы по чистой случайности – кто-то из братьев Брайди прогуливался в том же самом направлении.

– Бриджет, ты теперь женщина, – укоризненным тоном принялась отчитывать нас миссис Кингдон после того, как однажды утром мы незаметно ускользнули из дома. – И ты, Элизабет, тоже. Скажу прямо: есть такие мужчины, которые всегда готовы обмануть девушку.

– Обмануть? – повторила Брайди. – Но как именно, мама?

Миссис Кингдон запнулась. Я видела, что ее колебания вызваны отнюдь не растерянностью: ее снедала тревога за нас, тут уж не до смущения. Дело было не в стеснении, а в поиске слов, вернее, в их отсутствии.

– Вы же видели, как ведут себя бараны, – наконец произнесла она. – Видели, что фермеры держат баранов отдельно от овец. К овцам пускают только отборного барана. Но баран не разборчив. Он готов спариться с любой овцой, если ему позволить.

Миссис Кингдон взяла Брайди за руку, а другой рукой обхватила мою.

– Вы, девочки, наше сокровище. Ваше будущее счастье зависит от того, сумеете ли вы уберечь себя от опасности. Вам понятно, девочки мои?

⁴ Троил и Крессида – персонажи одноименной трагедии У. Шекспира и эпической поэмы Дж. Чосера.

По правде сказать, не совсем.

– Выходит, мальчиков тоже отбраковывают, как ягнят, – однажды ночью промолвила Брайди. – Да нет, вряд ли. Иначе разве у меня было бы шесть братьев?

– Нет, мальчиков не отбраковывают, – ответила я. – Хотя в каком-то смысле это так. У кого больше денег, тот и выбирает себе женщину.

– И кого же он выберет? – задумалась она, и тут же сама ответила на свой вопрос: – Богатую и красивую. Мы с тобой не относимся ни к той, ни к другой категории.

Она издала странный звук. Смех или всхлип?

– Они осматривают нас, – продолжала Брайди. – С головы до ног. Особенно пялятся на наши... прелести.

– А мы? – отозвалась я. – Мы смотрим на их прелести?

Мужчины обычно стояли, облокотившись на каминную полку, так что самую интересную часть их тела в облегающих светлых брюках обрамляли полы сюртуков.

– Я смотрю на лицо мужчины, – ответила Брайди. – Пытаюсь увидеть... Сама не знаю что. Может, интерес к чему-то помимо моих прелестей? Может, интерес ко мне самой?

– Интерес к тебе самой! – повторила я.

Я почувствовала, как кровать затряслась от ее смеха, а потом – и от моего собственного. Мужчина, который был бы заинтересован в тебе самой! Забавно. Кровать тряслась так сильно, что ее дрожь, наверно, слышалась в комнате этажом ниже, где мистер и миссис Кингдон делили супружеское ложе. Это мысль быстро отрезвила нас.

Отец – не такой отстраненный, как мистер Кингдон, – возможно, смог бы объяснить более доходчиво. Отец, возможно, нашел бы простые и понятные слова. Он сказал бы: «Вам будут льстить. Будут вздыхать, превознося вашу красоту». А еще он сказал бы: «Не вздумайте поверить им, ни на секунду. Ни в коем случае не позволяйте им овладеть вами, именно в этом цель их льстивых речей. Смейтесь над ними», – посоветовал бы такой отец. – «По-доброму, конечно, но насмехайтесь».

Овсяница змеиная

С мистером Макартуром я познакомилась на крестинах новорожденной дочки супругов Кингдон. Я выступала в роли крестной их очаровательной малютки, которую назвали в честь меня. Идея эта принадлежала доброй миссис Кингдон, старавшейся обеспечить мне еще более надежную защиту своей семьи и укрепить мою веру в свои перспективы. Нам с Брайди было уже по двадцать два года. Миссис Кингдон понимала то, чего мы не еще сознавали: что бег времени ускоряется.

На крестины из гарнизона Холсуорси пришел капитан Мориарти, а с ним – его друг энсин Макартур. Капитан Мориарти, симпатичный улыбчивый мужчина, приходился Кингдонам дальним родственником. Было ясно, что он хотел познакомиться с Брайди. Как и я, красавицей она не была, но мистер Кингдон мог бы быть полезен ему в качестве тестя. Мне Мориарти показался самодовольным типом, наслаждающимся собственным великодушием: ну как же, он преподносит себя в подарок невзрачной мисс Кингдон.

Я отметила, что он поставил свой стул совсем близко от стула Брайди, а потом придвинулся к ней еще ближе под тем предлогом, что одна ножка угодила на край ковра. Наблюдая, как капитан Мориарти смотрит на Брайди – так другие фермеры оценивали овец моего дедушки, – я начинала понимать, что нам с ней недолго осталось жить под одной крышей.

Мистер Макартур пришел лишь для того, чтобы у его товарища была возможность пообщаться с Брайди наедине, и теперь мы все должны были этому способствовать. Миссис Кингдон разлила по чашкам чай и занялась тем, что она прекрасно умела: завела застольную беседу.

– Мисс Вил на досуге изучает травы на наших пастбищах, – начала она, улыбнувшись мне, но тут же с сомнением взглянула на мистера Кингдона. Испугалась, поняла я, что изучение пастбищных трав – не столь благородное для леди занятие, нежели другие науки, – может создать превратное представление о подруге Брайди, а значит, и о самой Брайди.

Я улыбнулась капитану Мориарти, затем мистеру Макартуру, но не потому, что они мне нравились, – просто хотела мягко успокоить миссис Кингдон.

– Да, – подтвердила я. – Но, разумеется, я изучаю только наши местные – девонские – травы, такие, как овсяница овечья и прочие.

Тут я подумала, что мои слова прозвучали как мягкий укор в адрес миссис Кингдон, словно она гордится мной за те достоинства, которые не заслуживают внимания. Я забеспокоилось, что беседа может застопориться. Но мои сомнения и колебания, а также сомнения и колебания миссис Кингдон тут же развеял капитан Мориарти. Выяснилось, что он знает о травах больше, чем любой из присутствовавших. Широко расставив ноги, он поднял вверх палец, будто выступая на собрании.

– Да, мисс Вил, это очень интересно, – подхватил он. – *Festuca ovina*, овсяница овечья. А знакома ли вам более редкая трава – овсянка змеиная?

Об овсянке змеиной я, разумеется, никогда и слыхом не слыхивала. Так и ответила. После чего капитан Мориарти стал щедро делиться с нами своими обширными познаниями в ботанике, а мистер Кингдон, миссис Кингдон, мистер Макартур, Брайди и я только сидели и кивали. К тому времени, когда капитан Мориарти перестал загибать пальцы, перечисляя названия растений, про неблагородное занятие мисс Вил уже никто и не вспоминал.

Мы с Брайди, позволив себе маленькое пустячное удовольствие, насмешливо переглянулись. Вот говорун! Но затем она пригладила волосы назад, заправив прядь, что внезапно выбилась на виске, словно дерзкая реплика, бесшумно опустила на блюдце свою чашку и, переставляя ее на приставной столик, чуть склонилась в сторону капитана Мориарти.

Тот мимолетный взгляд подруги служил мне утешением, но одновременно я испытала глубокое чувство одиночества, и с того дня в наших отношениях с Брайди появилась некая натянутость. Да, тогда за столом мы обменялись понимающими взглядами, но после вслух не смели сказать то, что обе точно знали: пусть капитан Мориарти – нудный всезнайка, но, если он попросит руки Брайди, она ответит согласием. Как и любая другая женщина, она не могла себе позволить дожидаться своего Троила или Ромео.

Разумеется, он был джентльменом

И вот, пока Брайди и капитан Мориарти сидели в гостиной или прогуливались в саду, мисс Вил и мистер Макартур тоже находились там, оживленно беседуя между собой, – так сказать, выступали в качестве ширмы, за которой их друзья налаживали взаимопонимание.

Мистер Макартур был человек несимпатичный и холодный. Он не улыбался и вообще не пытался быть приятным собеседником. Из-за оттопыренной нижней губы был похож на капризного ребенка, все лицо – в рубцах от оспы. Глаза немного странные, словно их вставили кое-как, посажены слишком широко, один глаз немного выше другого. Вид у него был высокомерный. Гостиную мистера Кингдона он оглядывал, скривив губу, словно считал, что здесь чего-то не хватает.

Но уж ему-то важничать совсем не пристало. Носит низшее офицерское звание, служит в самом никчемном полку, под командованием Фиша, причем полк этот едва успели создать, как тут же расформировали: война кончилась раньше, чем ожидалось, и Макартур остался не

у дел. Любой из присутствовавших мог бы произвести нехитрый расчет: офицерское звание обошлось ему в 400 фунтов, а что взамен? Энсин на полставки. Это означало только одно: неудачник.

Я и не рассчитывала на то, что он примется очаровывать меня, как капитан Мориарти очаровывал Брайди. Энсин на полставки был не в том положении, чтобы добиваться внимания бесприданницы. К тому же он был молод, ему, как и мне, было только двадцать два года. А может, и двадцать один. Он уклончиво говорил о своем возрасте, как и о многих других вещах.

– О да, – заявил он, – я подумываю о том, чтобы стать адвокатом. – Ха, адвокатом! Можно подумать, эта профессия сама стучалась к нему в двери.

Разумеется, он был джентльменом. Во всяком случае, вел себя, как джентльмен, и образование получил надлежащее. При случае, по его словам, был не прочь развлечься псовой охотой, мог щегольнуть цитатой из Горация, немного понимал по-гречески, – и поэтому мистер Кингдон рассудил, что такой человек достоин чаепития с его семьей.

Но выяснилось, что отец его был торговцем, продавал ткани. Макартур утверждал, что его отец – крупный торговец, его предприятие не какой-то там лоток, торгующий лентами. Он поставлял ткань для формы военнослужащих армии и военно-морского флота, так что не думайте, будто мистер Макартур-старший стоит за прилавком с портновской измерительной лентой на шее. И все же нельзя было отрицать, что офицерское звание мистера Макартура-младшего оплачено из прибылей от продажи сорочек и белья. Чувствовалось, что данное обстоятельство сильно угнетает сына торговца, все существо которого составляла гордыня.

Поэтому мы много слышали о том, что значит принадлежать к роду Макартуров. По словам мистера Макартура, его дед был лэрдом⁵ Стратклайда в Аргайлшире, и прадед тоже, и так далее в туманную глубь веков, а первый Артур – основатель рода – был не кто иной, как сам король Артур.

Но дед и семеро его сыновей, один из которых был отцом мистера Макартура, в битвах той эпохи заняли не ту сторону, воевали за «короля из-за моря»⁶. Нет, он не был католиком, поспешил добавить мистер Макартур, такой выбор был сделан из политических соображений и ради славы Шотландии. После разгрома под Каллоденом они лишились всех имений и титулов, и отец мистера Макартура, после многочисленных злключения, наконец обосновался в Плимуте. Там он женился на будущей матери мистера Макартура, обзавелся двумя сыновьями. Мистер Макартур был младшим в семье, и это постоянно его раздражало. Дело не в том, что он хотел стать торговцем тканями, но ему было обидно, что их семейное предприятие в Плимуте перешло к его брату только потому, что тот родился первым, а сам мистер Макартур прозябал в гарнизоне Холсуорси в ожидании возможных перспектив.

– Дорогой друг, – с искренним сочувствием произнес наконец мистер Кингдон. – Какая ужасная история. Для вашего отца, должно быть, это глубокое потрясение.

– Да, глубокое, – подтвердил мистер Макартур. – Незаживающая рана. Оскорбление, напоминающее о себе каждый божий день.

Он говорил с волнением в голосе. И о собственной ране тоже: ему, потому что лэрда Стратклайда и, возможно, самого короля Артура, приходится давать объяснения в скромном доме священника в Девоне. Разве это не оскорбительно? Гордость не позволяет ему доказывать свое дворянство, но реальность его нынешнего положения такова, что он вынужден это делать.

⁵ Лэрд (*англо-шотл.* laird – землевладелец, лорд) – представитель нетитулованного дворянства в Шотландии. Лэрды образовывали нижний слой шотландского дворянства и, в отличие от титулованных лордов, участвовали в работе парламента Шотландии не непосредственно, а через своих представителей.

⁶ Так участники движения якобитов называли изгнанного из Шотландии короля Джеймса III. В середине XVIII века якобиты подняли очередное восстание, добиваясь возвращения Джеймса III на шотландский трон и, в более широком плане, восстановления правления династии Стюартов.

Капитан Мориарти был сама пристойность, неизменно любезен и учтив, а мистера Макартура словно что-то снесало изнутри, нечто темное и жгучее. В нем пылал заглушенный огонь, и было в том огне что-то интригующее для меня. Скажу прямо: меня к этому влекло.

Бывало, он сидел неподвижно и молчал, пока капитан Мориарти обхаживал Брайди. Но в саду, когда Брайди и ее капитан находились неподалеку, могли видеть нас, но не слышали, мистер Макартур порой позволял себе позабавить меня. Он умел точно и зло пародировать других, великолепно имитировал Мориарти, толкающего напыщенную речь. Худощавое лицо Макартура прекрасно передавало сделаное изумление Мориарти, удивляющегося собственной образованности.

Это было отвратительно, но находило отклик в гадких уголках моего существа. Я обнаружила, что и во мне живет неплохой пародист: я отлично изображала строгого мистера Кингдона и его рокот, когда он изрекал благочестивые сентенции. Мне было стыдно, что я передразниваю своего благодетеля, ведь он был так добр ко мне, но я не могла устоять перед соблазном продемонстрировать искрящиеся игривые грани своей натуры и рассмешить надменного мистера Макартура.

И не только рассмешить. По его взглядам и легким намекам, которые могла заметить только жаждущая мужского внимания девушка, я начинала понимать, что мистер Макартур проявляет ко мне некоторый интерес, и старалась его оправдать. И это не был флирт. Если бы Брайди тогда сказала: «Лизбет, ты же с ним флиртуешь!», я с ходу опровергла бы ее слова, возможно, ответила бы в шутовском тоне, что мое поведение по отношению к мистеру Макартуру – просто репетиция на будущее: глядишь, когда-нибудь в доме бриджрулского священника появится и более подходящий претендент. И это была бы правда, но не вся.

Тогда я этого не сознавала, но теперь понимаю, что я наблюдала не за ним, а за собой. Мне стали открываться некоторые стороны моего существа, которые никогда прежде не проявлялись, и это чертовски волновало.

И вот наступил решающий момент – я ясно помню его, словно он был запечатлен на гравюре, которая всегда стоит перед глазами – день перед ночью летнего солнцестояния. Накануне нам нанесли визит мистер Макартур и капитан Мориарти. Мы сидели в гостиной, договаривались о том, что завтра вечером встретимся и пройдемся до деревни, посмотрим, как местные жители танцуют вокруг костра. Мы-то сами – леди и джентльмены – танцевать не намерены, не станем предаваться беспутным забавам, в отличие от деревенских жителей, которые, с покрасневшими лицами, будут ликовать оттого, что настала ночь летнего солнцестояния, когда многое дозволено и все правила временно отменены. Мы просто полюбуемся на пылающий костер, на то, как будут взметаться ввысь искры, когда Экстенс, деревенский кузнец, подбросит в огонь новое полено; поудивляемся тому, как необычно выглядят в ночи знакомые предметы. Понаблюдаем, как парочки, которых почти не видно в тени костра, постепенно растворяются в темноте.

Наши гости собрались уходить, начался ритуал проводов: мистер Мориарти и Брайди прощались на гравийной тропинке; миссис Кингдон спускалась к ним с крыльца; мистер Кингдон пошел наверх за книгой, которую он обещал мистеру Макартуру; я стояла на улице у самого входа в дом. Мистер Макартур задержался в гостиной. Я оглянулась и вижу: вот он, стоит в обрамлении двух дверных проемов, и коридор – словно воздушный канал, вдоль которого мы смотрим друг на друга. Поток воздуха между нами, узкая линия видимости словно соединили нас некой интимной нитью. На одном конце канала – молодая женщина, которой любопытно, как это – почувствовать в себе мужскую плоть, на другом конце – молодой человек, взглядом настоятельно требовавший к себе внимания.

У нас было всего несколько секунд, но он успел ими воспользоваться. Приложил руку к груди, словно погладил себя, растопырив пальцы на кителе, и вопрошающе склонил набок

голову, всем своим видом изображая покорность и страстное томление. Как много можно выразить одним лишь наклоном головы!

Это мгновение – длившееся секунду, не больше – полностью обезоружило осторожную Элизабет Вил. Словам я бы ни за что не поверила, а этому жесту – руке, прижатой к груди, и этому причудливому призыву, выраженному наклоном головы, – поверила.

Затем мистер Кингдон спустился со второго этажа, миссис Кингдон оглянулась на меня, мистер Макартур надел шляпу, и мисс Вил выплыла из дома впереди него, и день вдруг оказался таким прекрасным, что у меня от радости бешено забилося сердце.

Трепетное незнакомое существо

Летняя ночь, я и мистер Макартур. Мы брели к полю, где пылал костер, неким странным образом озарявший деревья, будто сверху вниз. Обувь на ногах отяжелела от налипшей грязи. Брайди и капитан Мориарти шли впереди, не оборачиваясь. Мистер и миссис Кингдон избрали более длинный путь – по дороге. Мистер Макартур сильной рукой крепко обхватил меня за талию, помогая мне перебраться через перелаз, при этом его щека оказалось совсем близко к моей.

– Знаете, это коварный перелаз, мисс Вил, – заметил он. – Некоторые, я слышал, не принимали в расчет его коварность, а потом жалели об этом. Вот, возьмите меня за руку, прошу вас!

Обычный перелаз, не лучше и не хуже любого другого. Мы с Брайди раз сто перебирались через него без малейших затруднений. Но я вложила руку в ладонь мистера Макартура, и надо же – то ли из-за того, что темно было, то ли от этой непривычной и ненужной помощи – оступилась, покачнулась и на мгновение навалилась на него. Не выпуская моей руки, он повел меня вдоль живой изгороди – не самым коротким путем к костру, даже вовсе и не к костру, но я пошла за ним.

Вечерняя тьма благоухала сочными сложными запахами смоченной росой растительности, которые разносили порывы свежего ветра, дувшего по низу, близко к земле, не так, как днем. Ночь походила на живое существо, до поры невидимое, но когда люди ложились спать, она жила своей жизнью, шевелилась и дышала тонкими струйками прохладного воздуха, то с одной стороны, то с другой, шептала листвой, вовлекая меня в свои тайны.

Колосс

Именно любопытство – в числе прочего – стало причиной того, что я позволила событиям развиваться в таком направлении. Любопытство – и еще, конечно, его обольстительные речи. Ох уж эта его лесть! И мое тщеславие, готовность верить ему.

– Сладкие губки, – бормотал он. – Такие сладкие!

Голос у него срывался. Дрожащими пальцами он поглаживал мою щеку, обводил контур моих губ.

– О, – горячо дышал он мне в ухо. – Моя дорогая, пленительная, бесценная.

Никогда бы не подумала, что я способна вызвать у мужчины настолько сильное желание, что он разучился вразумительно говорить: двух слов связать не мог. Это было новое, неведомое ощущение. Он почти умолял меня. Вот ведь, оказывается, какая во мне заключена сила. Я чувствовала себя такой же громадной и вольной, как окутывавшая нас ночь, существом без границ. Звезды на необъятном небе сверкали так же ярко, как переполнявшее меня радостное возбуждение; их пульсирующий блеск и мерцание сулили бесконечность времени и пространства, вечность, – все то, чего у женщины никогда не было. Наконец-то я освободилась от незримых оков и осознала свой истинный масштаб: я ощущала себя колоссом.

– Сладкие губки, такие сладкие, – шептал он.

Не слова, а дрожь мужских пальцев побудили меня лечь на спину у изгороди. Звезды, треск костра на дальнем краю соседнего поля, мельтешащие блики пламени, видневшиеся сквозь кусты – все трепетало, принимая причудливые формы. Но в ночь летнего солнцестояния все необычно, все дозволено, все ново, и я с восторгом упивалась собственным могуществом, которым я, оказывается, обладала. И на меня снизошло откровение. Нас опекают, пугают, внушают нам, что мы нуждаемся в круглосуточной защите по причине, которую никогда не называют, вовсе не потому, что мы испытываем перед ними страх, а из страха перед нами!

Дрожа всем телом, он придавливал меня к земле. Я слышала шуршание юбок, которые он задирает на мне. Наконец ночной воздух коснулся оголенной кожи. Да, я понимала, что подвергаюсь насилию. Знала: это именно то, о чем меня предупреждали. Насмотревшись на овец и собак, я прекрасно понимала, что происходит. В общем, не стану утверждать, что я пребывала в неведении. Но при этом я абсолютно четко сознавала, что меня не принуждают, что это мое решение, мой собственный выбор. И что я не допускаю ошибки. Ведь я – колосс, богиня. Тоненький предостерегающий голосок стих. Осталась только твердая уверенность. Меня переполняло блаженство, а значит, ошибкой это быть не могло.

Недолго музыка играла. Очень скоро он слез с меня, поднялся на ноги. Со стороны поля донеслись громкий крик и недоуменное блеяние разбуженной овцы; волшебство произошедшего исчезло, я сразу поняла, что поддалась обману. Теперь уже не было ни трепетных вздохов, ни страстных стонов, никаких милых глупостей о том, как я его околдовала. В его голосе слышались лишь беспокойство и равнодушие.

– Вставайте, мисс Вил, поднимайтесь, – произнес он скрежещущим шепотом. – Мисс Вил!

Значит, я все-таки не колосс. Просто мисс Вил, которую можно бесцеремонно поднять с земли, равнодушно подхватив недрожащей рукой, и повести, как овцу, вдоль живой изгороди к перелазу. В этот раз у перелазы – никаких любезностей. Мистер Макартур крепко взял меня за руку с одной целью – помочь мне поскорее перебраться на другую сторону.

– Пойдемте-ка в обход, – отрывисто бросил он, будто велел кучеру подавать экипаж. – Поторопитесь!

Скрытно, словно крысы, мы быстрым шагом двинулись вдоль изгороди, прячась в ее тени, и вышли к самому костру, будто мы там и были; причем отдельно друг от друга, как чужие.

Ну вот, подумала я про себя, рано проснувшись на следующее утро. Рядом Брайди еще спала невинным сном. Теперь я знаю. Я повторяла и повторяла эти слова про себя, находя в них какое-то мрачное удовлетворение. Теперь я знаю. Словно это знание позволяло вновь ощутить частичку той могучей власти, которой я обладала в течение тех нескольких сумасшедших минут за живой изгородью. Теперь я знаю.

Сегодня, с опозданием в шестьдесят лет, я понимаю: он тогда не ожидал, что я ему отдамся. Соблазнение Элизабет Вил было одной из тех недостижимых целей, которые никто и не надеется достичь. Теперь мне знакомо это чувство удовлетворения, с каким он бросился добиваться невозможного. Макартура увлекал сам процесс охоты, а не добыча. Его холодность, когда мы вышли из-за изгороди, отчасти отражала постигшее его разочарование. Лисица сама преподнесла себя охотнику. Где же тут триумф?

Влипла

Я слышала о разных способах, они многим известны, и, к моему стыду, я испробовала все. Горячие ванны, прыжки с высоты, подскоки на месте до боли в боку. Слышала я и о листьях

розмарина, а его-то в саду было сколько угодно. Преисполненная решимости, четко понимая, что это необходимо, я усилием воли заставляла себя глотать эти листья, но даже при самой острой нужде невозможно съесть такое количество розмарина, какое требуется для достижения желаемого эффекта.

Я во весь дух неслась по глинистой дороге, что вела из деревни, мчалась так быстро, что поскользнулась и упала в грязь. Поднялась, снова сорвалась с места. Сил не осталось, но я не замедлила бег. Добралась до вершины холма и готова была покорить еще один. На самом высоком участке той извилистой грунтовой дороги, там, где стоит церковь – я вижу его словно наяву, – подъем кончается, и оттуда – прямая ровная дорога от нашего дома до Холсуорси. Если бы эта унылая дорога, по которой много раз ходил мистер Макартур, шла в гору, как та, по которой я только что примчалась сюда, возможно, он не трудился бы навещать в дом священника. А теперь вот, потная, запыхавшаяся, я стояла и смотрела на ту дорогу. В боку колело. То была желанная боль. Она дарила надежду. После такой пробежки никакой ребенок не должен бы выжить во мне!

Стыд меня не мучил. Проблему нужно было решать любой ценой. А моей решимости могла бы позавидовать сама Жанна д'Арк.

Спрятаться негде

Я не знала, как сообщить Брайди. Она пребывала в глубокой печали, хотя внешне храбрилась: капитан Мориарти так и не сделал ей предложение. Они с мистером Макартом по-прежнему навещали к нам, но было ясно, что жениться на Брайди он не намерен. Расскажи я ей о своем положении, она сочла бы, что ее горе в сравнении с моим суший пустяк, а это вовсе не так. Да и как объяснить, что я попала в беду из-за глупого ребяческого любопытства и такой недостойной черты, как тщеславие?

Но подобный секрет от женщин, живущих с тобой под одной крышей, долго скрывать невозможно.

Однажды мы с Брайди сидели рядом на заборе между домом и церковью, вглядывались в темноту августовской ночи. Я держала в руках веер, хотя было не так уж и жарко. Просто Брайди уже обо всем догадалась, и я, зная это, все порывалась спрятать от нее лицо. Не из-за того, что я стыдилась своего дурного поступка, приведшего к печальным последствиям. Мне было унижительно, что я повела себя, как дура. Меня ведь с детства предостерегали, учили правде жизни, а я возомнила себя умнее всех.

Никто меня не принуждал. Только безрассудство и самонадеянность позволили мне вообразить, будто это я – хозяйка положения. К сожалению, сыграли свою роль и мое незнание повадок мужчин, неумение распознать их лесть. Ах, какой же восторг я испытала от того, что приручила, как мне казалось, большого сильного мужчину, заставила его упасть к моим ногам!

Щеки мои за веером пылали – от ярости. Ведь стоило мне на один только шаг ступить за черту дозволенного, и я сразу же понесла наказание. Всего на шаг! Всего один раз!

Теперь, рассказывая вам эту давнюю историю, я ясно понимаю то, что тогда было недоступно моему разумению. Прошу не судить меня слишком строго. Мне хотелось бы взять ту юную женщину за руку и сказать ей: «Ты не была дурочкой». Или: «Ты совершила глупость, но дело не только в этом. Ведь если б ты всегда придерживалась установленных рамок, ты так и осталась бы ребенком».

А во мне пылал огонь, он и побудил меня выйти за установленные рамки. Это не должно расцениваться как преступление.

Брайди проявила ко мне снисходительность. Она снова и снова утешала меня, но как-то безучастно, подобно человеку, что с палубы корабля пытается добрым словом поддержать упавшего за борт, которого спасти невозможно. А потом и сказать уже было нечего.

В ту тихую ночь, слушая ее мягкий успокаивающий голос, ощущая в своей ладони тепло ее руки, я ежилась от ее жалости. Ведь я пошла за изгородь сознательно. В ту ночь, когда для меня мир изменился безвозвратно, я решила: никому не позволю себя жалеть. Главная черта характера мистера Макартура – гордыня, а моего отныне станет твердость духа: чужую жалость я буду отвергать.

Я лежала рядом с ней с открытыми глазами, зная, что эта последняя ночь нашей прежней жизни. Брезжил рассвет – последний рассвет моей тайны, а утро, что вслед за ним наступит, станет первым утром моего будущего. Каким оно будет? Я выйду замуж за этого мрачного чужака, и наша жизнь будет навсегда отравлена чувством сожаления? Или же меня ждет другая судьба – настолько непохожая на мое существование в чинном Бриджруле, что ее невозможно даже представить? Как быть юной женщине, у которой нет ни семьи, ни денег, а все ее достоинство – живот, в котором зреет ребенок, зачатый вне брака?

Светлело. Наступал новый день, когда тайна откроется и на меня обрушится водопад последствий, которые утянут меня на дно. Я слушала, как дом постепенно просыпается. Скоро мне придется занять в нем свое место и вынести все, что суждено пережить.

Покрытие грехов

Мистер Макартур был брезглив, не переносил запаха ланолина и овечьего помета. И совсем не терпел глупого блеяния, а бедные овечки по-другому объясняться не умеют. Оттопырив губу сильнее обычного, он осторожно шел по двору моего дедушки, выбирая место, куда можно поставить ногу.

Благодаря доброте мистера Кингдона мой грех вскоре будет покрыт: нам предстояло дать брачный обет, на моем пальце появится массивное кольцо. Мистер Макартур стоял рядом со мной, счищая с сапога грязь, а я стучала и стучала в дверь, просила отворить. Но за дедушкой никогда не тянулся шлейф грехов, которые следовало замаливать. Из трубы вился дым, но он к нам так и не вышел.

Частичка родного дома

Миссис Кингдон заменила мне мать, распахнула передо мной двери своего дома и свое сердце, а я за заботу отплатила ей черной неблагодарностью. Но она простила мне предательство. Эта добрая женщина поговорила с моей мамой, и та отдала мне свое небольшое приданое; на эти деньги не проживешь, зато у меня появилось личное достояние. А еще она подыскала в деревне девушку и убедила ее стать моей горничной.

– Тебе потребуется помощница, – сказала миссис Кингдон, – когда родится ребеночек.

Ребеночек! Я благословляла миссис Кингдон за ее доброту. И до сих пор чту память о ней.

Энн еще не исполнилось и пятнадцати. Высокая, тощая, рыжая девчонка, вся в веснушках. Робкая и малограмотная. Но мне было радостно, что я увезу с собой частичку Бриджрула, пусть это и была девушка, которую я почти не знала. А она сама, видимо, вообразила, что пускается в увлекательное приключение.

Мистер Кингдон, с тех пор, как узнал о происшедшем, не мог на меня смотреть. Но, по примеру милосердного Господа, которому он служил, священник не выставил грешницу из собственного дома. Используя свои связи и знакомства, он очень удачно устроил перевод

мистера Макартура в 68-й Пехотный полк, который вскоре должны были направить в гарнизон где-то в Гибралтаре. Это способствовало достижению сразу двух целей: эсин Макартур снова будет получать жалованье в полном объеме и сможет – при известной экономии – содержать супругу и ребенка, да к тому же мистер и миссис Макартур будут жить вдаль от Бриджрула.

Радостное событие

Я была благодарна всем за то, что они делают вид, будто наша свадьба – большая радость, и сама улыбалась во весь рот, так что челюсть заболела. А мистер Макартур не утруждал себя притворством. Был хмур и неулыбчив, потребовал, чтобы в брачном свидетельстве он был записан как Джон Макартур, эсквайр. Мистер Кингдон вздрогнул, недоуменно заморгал, выражая сомнение, но мистер Макартур не уступал, а мистер Кингдон, бедняга, хотел только одного: поскорей покончить с формальностями, чтобы мы оба убралась из его жизни. На том и порешили. Джон Макартур, эсквайр. Так и сохранится, пока существует та книга регистрации актов гражданского состояния.

Элизабет Вил – железная женщина – стояла с высоко поднятой головой, не сводя глаз с мистера Кингдона, читавшего текст обряда. Я была спокойна, восхищалась своим хладнокровием, глядя на себя как бы со стороны. Но, когда настал момент произнести заветное коротенькое слово, у меня вдруг во рту пересохло, язык прилип к небу, горло сдавило, губы онемели.

Ну нет, я не подвергну себя унижению! Не допущу, чтобы люди потом говорили: «Ха, она даже «да» не сумела выдать из себя!». Я втянула щеки, пошевелила языком в пересохшем рту, опустила подбородок, думая о лимоне, пока мистер Кингдон читал текст брачных обетов.

А ведь я репетировала, как буду давать согласие. Да! Громко и уверенно, без малейших колебаний. Это же начало романа, который будет длиться всю жизнь: моя мечта. Лимон меня спас, но слово, решившее мою судьбу, я, скорее прохрипела, едва слышно.

У мистера Макартура так сильно тряслись руки, что он с трудом надел мне на палец обручальное кольцо. Я слушала его тяжелое сопение, смотрела на его трясущиеся пальцы, и вдруг мой трепет куда-то пропал. Его слабость придала мне сил. Да, я почти не знала его, но мы с ним заключали брачный союз, клянясь быть вместе в болезни и здравии, в бедности и богатстве. Мужчина, чуждое мне существо, он говорил на чужом языке силы и самоуверенности, но мы оба родились в одной стране, где человек вынужден выдавать себя за того, кем он не является. Как сложится наша супружеская жизнь? Это будет зависеть от того, найдем ли мы общий язык. Будет ли он доверять мне, буду ли я доверять ему – настолько, чтобы не утаивать друг от друга то, что открывается мне в дрожании его рук, хоть он и не желал бы это показать?

Той ночью в холодной комнате казарм в Холсуорси я попыталась найти с ним общий язык. Задув светильник, мы, два чужих человека, лежали в постели. Кровать была узкой, но между нами все равно оставалось немного места. Из конюшен доносилось лошадиное ржание, кто-то кричал нечто похожее на: «Слон! Слон! Слон!». Зачем кому-то среди ночи в казармах Холсуорси вспоминать про какого-то слона?

Мистер Макартур не шевелился, лежал на другом краю кровати, будто камень. Не умер же он за те несколько минут, что прошли с того момента, как он задул свечу, шумно разделся и нырнул под одеяло с другой стороны? Конечно, не умер, но лежал неподвижно, как мертвец. – Раньше я не понимала, что значит «сердце не на месте», – промолвила я.

Создавалось впечатление, что я кричу: так громко прозвучал мой голос в темноте каморки.

– А сегодня поняла, – продолжала я. А что еще оставалось? – Казалось, сердце у меня в рот переместилось, оттого там и пересохло!

Я вспомнила, как тяжело он дышал, надевая мне на палец кольцо, и сказала себе: «С самого начала строй отношения так, как ты это видишь – или, по крайней мере, надеешься увидеть». Я нащупала его ладонь под одеялом и стиснула ее.

– А у вас, мистер Макартур, – спросила я, стараясь придать непринужденность своему тону, – сердце тоже было не на месте?

Он молчал, на пожатие мое не ответил. Я похолодела, поняв, что совершила ошибку, которую придется как-то исправлять. Но через некоторое время он заворочался в постели, будто с намерением повернуться ко мне. Произнес:

– Да. Со мной такое впервые.

Он прокашлялся, прочищая горло, и сдавленно хохотнул.

– Понимаете, я не могу подобрать слова, чтобы описать, в каком необычном положении я оказался.

Конечно, мне было бы приятнее услышать: «мы оказались». Но, как, впрочем, и я, всю жизнь до этого дня он мыслил в категориях «я», «мне», «мое». Мысль о том, что мы с ним, до сего дня существовавшие по отдельности, теперь стали каким-то «мы», думаю, была новой и тревожной для нас обоих. Готова ли я к тому, что он и я теперь «мы»? Да, я с радостью беру его за руку, шучу про сердце, но на самом деле желаю ли я, намерена ли стать единым «мы» с этим чужим человеком?

Мы поженились, стали супругами лишь потому, что совершили то, что дозволено только супружеской чете. А, решившись на интимную близость, когда это еще не было дозволено, было бы извращением не повторить это теперь. Но на этот раз он обошелся без вздохов и нежных слов. А у меня не возникло потрясающего ощущения собственного могущества. Был только сам акт, краткий, энергичный, исполненный умело, но без восторга.

После я отвернулась от лежащего рядом тела и тихо заплакала. Лила горькие бесшумные слезы по безрассудно истраченному достоянию, которое и без того было крохотным. По дороге, что осталась позади: я шла по ней в страхе и печали, покидая все, что мне было привычно, всех, кто знал меня. Уходила с позором. Фальшивые улыбки, фальшивые выражения радости, фальшивые добрые пожелания лишь усугубляли чувство стыда. Из всех слов, что слетали с губ провожавших, искренним было только одно: прощайте, прощайте, означавшее: надемся, что никогда больше вас не увидим.

Часть 2

Сухарик

Очень скоро мы уехали из Бриджрула, поскольку через несколько недель после свадьбы моя беременность стала очевидной.

Самочувствие мое тоже ухудшилось. Раньше я слышала, женщины рассказывали, что по утрам их тошнит, сама видела, как кожа миссис Кингдон обрела восковой оттенок, когда она вынашивала Элизабет, мою крестницу. Много раз по утрам, склонившись над раковиной, исходя холодным потом от тошноты, я лила слезы сожаления и раскаяния. В эти минуты я верила в реальность ада так, как никогда не верила в существование рая. Но и днем мне нередко нездоровилось, а по ночам не спалось: организм требовал пищи, но при мысли о еде меня мучило. Значит ли это, что и ребенок мой болен, умирает, как и я? Коварная насмешка судьбы. А ведь я столько розмарина проглотила!

Ребенка мне предстояло вынашивать еще четыре-пять месяцев – по моим меркам, целая вечность! Сами роды я вообще не представляла. Миссис Кингдон никогда не объясняла, чего ожидать. Видимо, считала, что еще успеет, расскажет, а мы не спрашивали, не торопились узнать. Конечно, мы слышали, что придется испытать боль, но какая она будет? Как при переломе ноги? Мы знали, что некоторые женщины при родах умирают, но как именно? Сразу или постепенно? И каким это чудесным образом целый ребенок пролезает через такое маленькое отверстие?

Энн, по ее словам, была старшей из одиннадцати детей. Это хорошо, подумала я, значит, она, в отличие от меня, знает, как ухаживать за новорожденными. Ее отец был поденщик, мой папа время от времени нанимал его. Читать Энн не умела, писать могла, но с большим трудом, только свое имя, и вообще была неуклюжей, неловкой девчонкой; для себя я сразу определила, что толку от нее будет мало.

Я надеялась, что она не станет сплетничать о нас. У нее было свое спальное место в помещении для слуг, тем не менее, она мало чего не знала о том, как живут и ладят между собой мистер и миссис Макартур. И о том, как они стали мужем и женой. Об этом, я уверена, знал весь Бриджрул. Поэтому я ходила с высоко поднятой головой, а с Энн обращалась, пожалуй, излишне холодно, строя из себя высокородную леди.

Но потом однажды она появилась с подпаленными с одного боку волосами и с лоснящимся покрасневшим ухом.

– Энн, что случилось? Что ты с собой сотворила? – удивилась я.

– Мэм, мне в ухо мошка залетела, – ответила она. – И ползает там, с ума меня сводит. Я и поднесла к уху свечу, думала, мошка вылетит на свет, понимаете?

Кусая губу, Энн искоса взглянула на меня. Наверно, боялась, что я ее отругаю. А я, представив, как она с серьезным видом подносит к уху свечу, расхохоталась, впервые за много недель.

– Ой, какая же ты смышленная глупышка.

Я дала ей мазь для уха и вознесла хвалу миссис Кингдон за то, что она нашла для меня такую девушку – с виду бестолковую и неказистую, но не лишенную оригинальной смекалки.

Я жила не так уж далеко от Бриджрула и от Брайди, но уже когда новобрачные мистер и миссис Макартур отъезжали от церкви в позаимствованном кабриолете, я понимала, что между мной и тем миром опускается заслонка. Мы с Брайди время от времени переписывались, однако нам обоим приходилось быть сдержанными в выражениях, поскольку наши письма,

мы знали, мог прочесть любой из домочадцев священника. О, как же мне недоставало наших ночных бесед, которые мы вели шепотом на той высокой кровати! На бумаге наша дружба сводилась, с моей стороны, к описаниям жизни в казарме, с ее – к нейтральным известиям о наших общих знакомых.

В гарнизоне Холсуорси служил некий капитан Спенсер. В казармах ему выделили довольно просторную квартиру, в которой его супруга имела возможность принимать двух-трех подруг, приходивших к ней на чай. Эти дамы и составляли общество, в котором я вращалась. Миссис Спенсер была симпатичная миниатюрная женщина, разве что худая и все время тряслась, словно гончая. Создавалось впечатление, что ее муж – настолько тучный мужчина, что при ходьбе он был вынужден опираться на пятки, задирая носки, дабы не завалиться вперед под тяжестью живота, – высосал из нее все соки. Миссис Спенсер водила дружбу с миссис Бортвик, супругой капитана Бортвика. Та, уверенная в себе, не лишенная привлекательности женщина, годами была постарше и имела привычку улыбаться уголками рта, изображая полное довольство жизнью, под оптимизмом скрывая, я знала, свои истинные чувства.

Но настоящими подругами они мне не стали. Просто приятельницы, с которыми иногда отраднo почаевничать. Гарнизон – не деревня. Здесь невозможны глубокие привязанности, любые отношения носят временный характер, не имея ни прошлого, ни будущего. Однако эти дамы по-доброму отнеслись ко мне, неопытной девице. От утренней тошноты помогают сухари, советовали они. Сухари и очень сладкий чай. Я грызла сухари, пила чай. Тошнота не проходила, легче мне не становилось, но меня утешало, что есть на свете люди, которым я небезразлична, которые пытаются мне помочь.

Ласковые слова

Чего не скажешь о мистере Макартуре. Я слышала, как он хвастался перед товарищами своей женой: она у него такая умная, пишет замечательно, красивым слогом, читала сэра Томаса Брауна⁷ и Ливия⁸ – в переводе, разумеется. Но для меня самых душевных слов он не находил, я не видела от него сердечного отношения. Он больше не прижимал руку к груди, не смешил меня, передразнивая кого-нибудь, как в пору ухаживания. Все это осталось в прошлом. Эти ужимки сыграли свою роль, теперь они не были нужны.

О, он был любезен, никогда не кричал на меня и уж тем более не бил. Я понимала, что хотя бы за это должна благодарить Господа. Его учтивость носила машинальный характер. Если я обращалась к нему, он меня выслушивал, но без интереса, словно какую-то незнакомку, которую ему незачем узнавать поближе. Что-то говорил в ответ, но небрежно, бесстрастно. Он не относился ко мне с неприязнью, не упрекал в том, что из-за меня мы оказались в столь дурацком положении. Он просто не воспринимал меня как личность.

А я предпочла бы, чтобы он повысил голос, поднял на меня руку? Разумеется, нет. Но прежде я даже представить не могла, что можно чувствовать себя столь одинокой, живя с кем-то в одной комнатухе площадью в несколько квадратных ярдов.

Я жаждала его ласки, согласна была даже на грубость, лишь бы это сблизило нас. С самого начала я поклялась себе никогда ничего у него не просить. Не хотела унижать себя жалостью. Хотя, бледная, худая, несчастная женщина, только жалость я и вызывала. Но какой смысл просить, если то, что тебе нужно, дают под принуждением?

И все же как-то утром я не сдержалась.

⁷ Томас Браун (1605–1682) – британский медик, один из крупнейших мастеров английской прозы эпохи барокко, автор литературных «опытов» на оккультно-религиозные и естественнонаучные темы.

⁸ Ливий, Тит (Titus Livius) (59 до н. э. – 17 н. э.), римский историк, автор частично сохранившейся «Истории Рима от основания города».

– Мистер Макартур, – обратилась я к мужу, – неужели у вас никогда слова ласкового для меня не найдется?

В моем голосе слышались гнев и умоляющие нотки, которые мне были ненавистны.

Вздвонув, он отвернулся от камина и посмотрел мне в лицо. Я подумала, что давно следовало выразить свои чувства. Он же меня слышит, значит, должен откликнуться.

– Моя возлюбленная жена, – отвечал мистер Макартур. – Привязанность, подобная моей, наверняка, проявляется во множестве поступков, которые недвусмысленно говорят сами за себя, поэтому любые признания были бы просто нелепы!

Он улыбался сам себе, восхищаясь сложностью словесной конструкции, которую он сооружал.

– О том, что я благодарен вам и очень доволен вашим поведением, и говорить незачем, – напыщенно продолжал мистер Макартур, словно выдавая отрепетированную тираду. – Вы, несомненно, и сами понимаете, что столь образцовое благонравие не может не возыметь должный эффект, и это наверняка убеждает вас в моих чувствах с большей определенностью, чем любые заверения, которые можно дать.

Душа моя съежилась от его цветистых оборотов. Он вроде бы и жаловал своей жене то, о чем она просила, но в то же время отдергивал руку. Я прошу хлеба, а ты подаешь камень. Теперь мне стал ясен смысл этой библейской фразы. Дело даже не в том, что поданное тебе невозможно есть. Поданное тебе похоже на то, о чем ты просил; кажется это и есть то, что тебе нужно. А потому это – издевательство, причем еще более жестокое, нежели прямой отказ.

С тех пор гордость не позволяла мне просить у мужа ласковых слов.

Животный инстинкт

Мистер Макартур был супруг назойливый и пылкий, и это означало, что каждую ночь он начинал меня легонько щекотать, извещая о своем желании, ну а затем следовало все остальное. По утрам он тоже любил взбодриться подобным образом. Да и днем, если позволяли обстоятельства.

Мне акт совокупления был не более приятен, чем, наверное, овцам в поле. И даже не акт как таковой. Я живо помнила наши с Брайди ночные утехы: это было неопишное блаженство, аж дух захватывало. От близости с мистером Макартом удовольствия я не получала не потому, что мы физически не подходили друг другу. Препятствием служило ощущение, что я, Элизабет Вил, как я себя до сих пор воспринимала, для мужа значу не больше, чем овца для барана. И наше супружеское ложе начинало скрипеть вовсе не от того, что в нем лежала именно я, Элизабет Вил. Просто мужа снедала ненасытная тяга к плотским наслаждениям, которую требовалось утолять снова и снова. А я была лишь средством для достижения мимолетного удовлетворения.

Но сексуальная близость с женой была предусмотрена его супружескими правами, а мистер Макартур никогда не пренебрегал положенными ему привилегиями. Выйдя замуж, я стала пленницей своей женской доли, квартиранткой в собственном теле. Если на пороге появлялся арендодатель, я была обязана его впустить.

Другие женщины в моем положении становились немощными, и неотступная тошнота по утрам подтверждала, что это отнюдь не выдумки. Но валяться целыми днями на диване – невыносимо скучно. Тратить жизнь на то, чтобы с утра до вечера лежать и наблюдать, как перемещается по полу полоска солнечного света, льющегося в окно... брр. Так и с ума сойти недолго. В любом случае, мои тихие жалобы на головную боль мистера Макарта не останавливали.

– Давайте натру вам виски камфорным маслом, – предлагал он. – Боль как рукой снимет. Гарантирую.

Он вылезал из постели, садился на край кровати и при свете лампы втирал мне в лоб вонючую гадость, причем так, для блезира, ну а потом сосредоточивал внимание на нижней части моего тела.

Случалось, его заносило, и тогда боль и унижение были нестерпимы. Я вскрикивала, выражая протест, четко и ясно говорила «нет»! Но в такие моменты мистер Макартур становился глух, как бешеный пес. На следующее утро я не могла смотреть на него. Изверг какой-то, а не муж. Как можно вытворять такое с собственной женой?

О пользе счета

Миссис Спенсер всегда казалась натянутой, как струна, вот-вот лопнет, и в один прекрасный день, во время чаепития, лопнула.

– Мужчины – сущие звери, – выпалила она, с громким стуком опустив чашку на блюдце. Я испугалась, что посуда разобьётся.

Черты миссис Спенсер сморщились в гримасу, из-за чего на секунду ее изящная головка стала похожа на вопящий череп. Никто ничего не сказал, только у миссис Бортвик чуть дрогнул уголок рта. Молчание затягивалось. Думаю, в этот момент каждая из нас представляла себе звериные повадки своего мужа в постели под покровом ночи.

Затем миссис Спенсер потрогала чайник, объявила, что он достаточно теплый и можно выпить еще по одной чашке, вызвала звонком прислугу, попросила принести молока, и чаепитие возобновилось. Утонченная, изящная, она с улыбкой протянула мне новую чашку чая. Может, мне послышалось, подумала я, или я неверно истолковала ее слова?

По пути домой ни я, ни миссис Бортвик не упоминали про гневную вспышку миссис Спенсер. Мы вообще никогда не обсуждали ту часть нашей жизни, которая происходила за закрытыми дверями. Но в этот раз миссис Бортвик заговорила о своем супруге Джордже, и из ее слов я сделала вывод, что она не получает удовольствия от брачных утех. Степенно выступая рядом со мной, словно монахиня, она рассказала кое-что еще. Насколько я поняла, был у нее один джентльмен – не муж. Вот с ним ей удавалось познавать радости плотской любви.

– Да-да, дорогая моя миссис Макартур, так и есть, – подтвердила она. – Надеюсь, я не слишком вас возмутила.

Она искоса взглянула на меня.

– Естественно, милого Джорджа я обязана ублажать. Раз в месяц. По-моему, это вполне благоразумно.

Благоразумно? В первую секунду я пришла в недоумение, но потом поняла, что она имеет в виду. Украдкой посмотрела на нее. Ее красивое лицо оставалось бесстрастным, и держалась она с полнейшим самообладанием. Я подумала, что, должно быть, ошиблась.

– Да-да, – повторила она. – А еще, дорогая, я пришла к выводу, что хорошо бы стишок какой-нибудь читать или песенку петь, про себя. Я знаю парочку, которые безотказно помогают.

И она вдруг пропела красивым сильным контральто: «Девушки и парни, идите погулять! Лунный свет, как солнце, светит нам опять!»

– Рекомендую, миссис Макартур, – сказала она. – Очень подходит вот для тех самых случаев. А еще можно считать про себя, тоже действует безотказно. С милым Джорджем я досчитываю только до сорока пяти, дальше не требуется.

Где-то у нас под окнами жила птичка. Нередко на рассвете я просыпалась и, не шевелясь, лежала и слушала ее пение. Это всегда была одна и та же короткая мелодия: «Да, да, ди, ди, ди, да, да!» Красивая песенка. Но она не имела вариаций. Я представляла, как эта птичка сидит в

темной листве, предрассветный ветерок ерошит ее оперение, а она все грустно напевает: «Да, да, ди, ди, ди, да, да!». Возможно, ей хотелось передать все, что она чувствует в ожидании рассвета, за час до того, как взойдет солнце и жизнь возобновится. Но в ее арсенале была только одна эта фраза. Я представила, как эта птичка рыдает от досады, открывает клюв, чтобы рассказать все, что ей известно, а снова слышит лишь пародию на то, что лежит у нее на сердце.

Честолюбие

Мистер Макартур был человек с большими амбициями. Всеми его поступками руководило честолюбие. Для меня, я знала, никакое место не станет родным домом, и Гибралтар, в моем понимании, был не хуже любого другого населенного пункта, я была готова жить там. Но для моего супруга перспектива маршировать в стенах бастионов Гибралтара означала крах всего. Только полный болван смиренно поедет туда, куда направит его полк. Пока не разразится война, нечего и рассчитывать на продвижение по службе в 68-м Пехотном полку, переукомплектованном младшими офицерами, которые могли рассчитывать на карьерный рост только в том случае, если начнется повальный мор среди старшего состава. Мой муж смекнул, что шансы его невелики, и стал думать, как вырваться из возникшей ситуации.

Он продаст свое офицерское звание, решил мистер Макартур, выручит за него четыреста фунтов стерлингов! На эти деньги можно начать карьеру адвоката! Он прочел все книги, знал законы не хуже любого юриста. Он откроет адвокатскую практику, обретет известность, и вскоре у Джона Макартура отбоя не будет от клиентов!

Меряя шагами комнату, он излагал мне свои планы. Его лицо светилось воодушевлением, отчего следы от оспы на нем выступали особенно ярко; глаза горели уверенностью в славном будущем.

– Джон Макартур из «Линкольнз инн»⁹, – говорил он. – Здорово звучит?

– О да, – отвечала я. – Звучит великолепно.

Я, хоть и выросла в деревне, жизни толком не знала, но сомневалась, что это легко достижимая цель, однако остужать пыл мужа не собиралась. Пусть жизнь его проучит, а не супруга. И потом, а вдруг у него получится. На минуту я даже позволила себе помечтать об «Линкольнз инн», ведь это было бы куда лучше, чем Гибралтар.

Но через неделю про «Линкольнз инн» мистер Макартур уже и не вспоминал. Заявлял, что переговорит с одним джентльменом, знакомым отца, и тот устроит его в Артиллерийское управление в Портсмуте. О, это такая лакомая должность, лучший в мире вариант!

– Мистер Макартур, но как же адвокатура?

Я вовсе не хотела уколоть мужа, но ведь моя судьба была тесно связана с его судьбой.

– Жена, не надо ловить меня на каждом слове! – взвился он. – Вы хоть и умная женщина, но жизни не знаете, чтобы меня поучать.

– Мистер Макартур, у меня и в мыслях не было вас поучать, – ответила я. – Просто теперь ведь у нас с вами одна судьба на двоих, и я хотела бы знать, что меня ждет!

– Благодарю за напоминание. Именно потому, что у нас теперь с вами одна судьба на двоих, – насмешливо подчеркнул он, – я и стараюсь изо всех сил устроить ее получше!

Он пристально смотрел на меня, взглядом приводя в замешательство, наблюдал, как я пытаюсь осмыслить то, что сейчас произошло между нами: то, что еще недавно казалось таким

⁹ «Линкольнз инн» (Lincoln's Inn) – один из четырех «Судебных иннов» (Inns of Court), четырех корпораций барристеров в Лондоне, которые пользуются исключительным правом приема в адвокатуру. В школах при этих корпорациях готовят барристеров. Остальные три инна – «Средний темпл» (Middle Temple), «Внутренний темпл» (Inner Temple) и «Грейз-инн» (Gray's Inn). «Линкольнз инн» готовит барристеров Канцелярского отделения Высокого суда правосудия (Chancery Division) и защищает их интересы. Назван по имени первого владельца здания инна Томаса де Линкольна.

простым, за полуминутный разговор превратилось в спутанный клубок, который ни за что не размотать.

Крупица правды

Мистер Макартур жить не мог, не строя грандиозные планы. Для него это было так же необходимо, как еда и питье. Каждый новый план преобразовывал окружающий мир в соответствии с его убеждениями. И сам он преображался, становился еще более великолепным вариантом себя самого, и эти два Джона Макартура бежали рядом, как пара подобранных в масть упряжных лошадей: похожи, но не одинаковы, бегут близко, но не соприкасаются.

То он собирался поговорить со своим братом, который в школьные годы дружил с Эваном Непином – ныне высокопоставленным государственным чиновником. Потом новая идея: он переговорит с кузеном близкого друга сэра Джозефа Бэнкса, и тот устроит его секретарем какого-нибудь чиновника в Палате лордов. Или напишет одному товарищу, с которым он познакомился через капитана Мориарти, попросит, чтобы тот замолвил за него словечко в письме к своему шурину, занимавшему высокую должность при королевском дворе.

При дворе! Я непроизвольно фыркнула и поспешила закашляться в носовой платок, но мистер Макартур ничего не заметил.

Правда, для начала ему требовалось продать свое офицерское звание, однако все шло к тому, что тупые, недалекие, ограниченные людишки, принимавшие подобные решения, скорее всего, на то согласия не дадут. По их мнению, не для того энсину Макартуру была пожалована должность на действительной воинской службе с полным жалованьем, чтобы он мог профинансировать свой уход с нее.

Посему мы по-прежнему жили в гарнизоне Холсуорси – рассаднике интриг, вражды и предательства среди офицеров, что неизбежно, когда в одном месте скапливается слишком много людей, которым нечего делать, кроме как злиться на то, что их жизнь проходит впустую. В казармах царили злословие, кривотолки, оскорбления, неприязнь.

Энн нередко узнавала сплетни раньше меня, от других слуг. А я заметила, что она охотнее делится со мной интересными подробностями, если я изображаю недоверие. На первых порах слухи, гулявшие по гарнизону, пугали и изумляли ее, но через несколько недель, наслушавшись всяких-разных драматических историй, она уже внимала им с удовольствием, словно присутствовала на представлении, который разыгрывали офицеры для развлечения собственных слуг.

Я на рассказы Энн реагировала с притворным безразличием, но знала, что по большей части они соответствуют действительности. А также знала, что во всех этих мерзких историях замешан мистер Макартур. Зачастую именно он составлял возмущенные письма, со множеством юридических терминов на латыни, от имени того или иного обиженного офицера. Больше всего он ликовал, если получалось выдать некое затейливое толкование, разбиравшее в пух и прах неопровержимый довод. О, он просто обожал отыскивать «лазейки» и пробелы в законодательстве!

Особое удовольствие доставляли ему комбинации, которые он называл «долгие партии». Быстрая победа не представляла для него интереса. Нужно обладать изобретательным умом – как раз таким, как у него, – чтобы инициировать, на первый взгляд, совершенно безобидный процесс, затем еще один, столь же невинный, а потом устроить так, чтобы эти два процесса схлестнулись и ни о чем не подозревающий человек, против которого все это было затеяно, оказался между молотом и наковальней.

Как-то вечером мистер Макартур похвастался, что он всегда уничтожает людей, которые ему противны. И расхохотался. Это был трубный глас триумфатора.

Его самым мощным оружием была грамотно сочиненная клевета, эффективная в силу того, что в ней всегда содержалась крупная правда, придававшая достоверности всей истории. Я сочувствовала его врагам: они были абсолютно беззащитны перед его коварством. Бывало, жертва злопыхательства наконец узнавала, что о ней болтают, но к тому времени сплетня уже жила своей жизнью. Как бы несчастный ни старался восстановить свое доброе имя, люди всегда верили именно сплетне.

А самого мистера Макартура невозможно было загнать в угол. Как-то раз миссис Бортвик полюбопытствовала, когда мы поженились и когда родится наш ребенок. Сопоставление дат могло бы привести к конфузу, но мистер Макартур ответил, как истинный джентльмен, – с полнейшей невозмутимостью и в таких хитрых выражениях, что не подкопаешься.

– О, мы были полны страсти, – снисходительно хмыкнул он. – Все вокруг знали, что мы достигли неофициальной договоренности. Понимаете, мы были крестными родителями ребенка нашего товарища. И так уж получилось, что мы не смогли противостоять нашим взаимным нежным чувствам. Не так ли, дорогая?

– Да, – подтвердила я, натянуто улыбнувшись. – Именно так, сэр.

Крупная правда. Да, я была крестной Элизабет Кингдон. Само собой подразумевалось, что он, стало быть, выступил крестным отцом – выдумка, прекрасно вписавшаяся в данный контекст. А кто проверит? Даже если в будущем какой-нибудь исследователь задастся целью отыскать доказательство, он или она не найдут и клочка бумаги, который бы подтвердил или опроверг эти слова. Только этот, на котором я пишу правду, чтобы вы ее знали.

Дуэли

Едва ли не каждую неделю в гарнизоне разворачивалась волнующая драма – кто-нибудь да стрелялся на дуэли. Если б пистолеты офицеров поражали свои цели, ряды вооруженных сил Его Величества давно бы сильно поредели. Но, как ни странно, насколько мне известно, ни в одной из дуэлей никто серьезно не пострадал.

Миссис Бортвик – ее Джордж пару раз стрелялся – объяснила, что задача секундантов позаботиться о том, чтобы никто не погиб. Вместе, на виду друг у друга, они одинаково заряжали пистолеты таким образом, чтобы оружие дало осечку или пули отклонились от цели. Их первейшей обязанностью было не наблюдать, как гибнут дуэлянты, а следить за тем, чтобы возторжествовала справедливость. На рассвете в день дуэли место поединка оглашали выстрелы, вспугивавшие птиц с деревьев, над травой клубился дым, и этого было достаточно. Выстрелы, клубы дыма, запах пороха, всеобщая суета, секунданты с рулеткой, врач со своим саквояжем – все это вполне удовлетворяло оскорбленное самолюбие. Ни раны, ни уж тем более трупы были совсем необязательны.

Мистер Макартур, как и все прочие офицеры, чутко реагировал на любую обиду или оскорбление и моментально вспыхивал при малейшем посягательстве на то, что, по его мнению, принадлежало ему по праву. Существовал целый ряд критериев, отличавших джентльмена от всех остальных, и мистер Макартур свято чтит их, пресекая всякие поползновения на его джентльменское происхождение.

Как-то раз он вернулся домой вне себя от гнева: шея покрыта красными пятнами, желваки ходуном ходят, будто под кожей притаилось некое существо, которое то сдувалось, то раздувалось.

– Я потребую удовлетворения, – заорал он, направляясь к полке, где лежал бархатный футляр винного цвета с дуэльными пистолетами.

Я тогда уже знала, что дуэль не обязательно подразумевает гибель. И все же пистолеты вызывали у меня отвращение, я со страхом представляла, как горячий свинцовый шарик врежется в незащищенную человеческую плоть.

– Мистер Макартур, что случилось? В чем конкретно он провинился? Наверняка ведь можно обойтись без пистолетов!

А дело было вот в чем. Мистер Макартур согласился выступить в роли секунданта лейтенанта Селби, намеревавшегося стреляться с лейтенантом Баннерманом. Но, когда все участники предстоящей дуэли прибыли на место поединка, выяснилось, что лейтенант Баннерман назначил своим секундантом некоего Бейкера, который джентльменом не являлся.

– Я сказал Баннерману, что не потерплю оскорбления, – бесновался мистер Макартур. – Чем этот болван думал, давая мне в пару неотесанного мужлана, этого Бейкера?

– Но, сэр, разве ради этого стоит умирать?

Умирать! Мой муж аж взвился.

– Дорогая, вы меня оскорбляете, – заявил он, – воображая, будто смерть наступит именно меня. Это самый маловероятный исход на свете!

– Сэр, я не сомневаюсь в том, что вы меткий стрелок, – отвечала я, взбешенная его самоуверенностью. – Но вдруг окажется, что Баннерман стреляет лучше! Вы хотите оставить меня вдовой?

– Моя дорогая жена, – сказал он. – Зря вы переживаете! Так уж случилось, что у моих пистолетов есть некоторые особенности, и зарядить их надежно может только тот, кто знаком с ними. То есть я сам.

В его глазах светилось самодовольство.

– Дорогая, – высокомерно заявил он, – вам пристало бы иметь больше веры в своего супруга!

Все мое существо сковала усталость. Мистер Макартур, с кем бы он ни выяснял отношения – будь то его доверчивые противники по дуэли или жена – всегда держал козырь в рукаве, чтобы обеспечить себе победу.

– И это говорит человек чести, – заметила я.

Я хотела уколоть его, думала, что мой сарказм достигнет цели. Но муж будто и не слышал меня. Он взял футляр с пистолетами и вышел из комнаты.

Я сделала вывод, что само это оскорбление как таковое не имело значения. Вот статус джентльмена – это да. Это для него было важно. Мистер Макартур настолько не был уверен в нем, что ему требовалось постоянно находить тому подтверждение, пусть даже с риском для жизни. В гарнизоне шептались, что до поступления в полк Фиша он ходил в подмастерьях у изготовителя корсетов. Казармы вообще полнились самыми разными грязными слухами, и потому эта сплетня доверия у меня не вызывала. И все же она не давала мне покоя. Будь это правдой, тогда было бы понятно, что питает эту его отчаянную потребность.

Однако его неуемность имела более глубокие корни, чем снобизм. Он напрашивался на оскорбление, потому как лишь в противостоянии с кем-то обретал уверенность в собственной значимости. Он цеплялся за эфемерное понятие чести, потому что не имел более серьезных аргументов в пользу своего высокого достоинства.

А я? На чем должно зиждиться мое чувство собственной значимости? Трудно сказать. И все же я ощущала в себе некий дух противоречия, который давал мне право быть той личностью, какой я была. В глазах окружающих я была маленьким человеком, но сама я была убеждена, что стою гораздо больше, нежели мой муж, при всей его изобретательности.

Несчастное создание

В семь лет его отправили в учебный пансион, сообщил он мне. От братьев Брайди я слышала немало рассказов о школе и догадывалась, что в таких заведениях авторитетом пользуется сила, и школьники, задающие тон, отравляют существование слабым. В школе любой мальчишка быстро перенимает повадки задиры.

Мистер Макартур пребывал в учебном пансионе, когда умерла его мать. Никто не уведомил его, что она больна. Отец продолжал еженедельно присылать ему письма, отвечая на которые, мальчик рассказывал о матчах в крикет и своих успехах в изучении греческого языка. Она умерла, но ему о том не написали. О смерти матери он узнал, когда приехал домой на каникулы. Отец сказал, что, по его мнению, так было лучше. Какой был смысл тревожить его? Он, что, излечил бы мать, будь он с ней? Воскресил бы ее, если бы приехал на похороны?

А я-то себя считала несчастным созданием. Однако мне позволили оплакивать отца, и я знала, что дедушка любил меня. В лице Брайди я нашла настоящую верную подругу, и Кингдоны по-доброму относились ко мне. У моего мужа не было никого, и, должно быть, поэтому некая важная часть его существа, чувство подлинного собственного «я», словно мышка, забилось в щель много лет назад. Но он никогда не признавал свою боль. Свои душевные муки он преобразовал в карающий меч, которым наказывал весь свет за свои страдания.

Черная тоска

Мистер Макартур демонстрировал сумасшедший энтузиазм, придумывал безумные интриги, а через полчаса его лихорадочное возбуждение сменялось меланхолией, да такой глубокой, что с постели не поднять. Он пугающе менялся в лице: оно становилось осунувшимся, деревянным, как маска; взгляд его стекленел. Все безнадежно, шептал мой муж. Он – ничтожество. Его жизнь – бесплодная пустошь. Можно было попытаться вывести его из состояния черной тоски, но он не слышал, будто вы находились за тридевять земель.

Многие ли жены умеют, как я, распознавать атмосферу в комнате? По наклону головы супруга, по расположению его ног, по тому, сжимает ли он ложку, стискивает ли кулак рядом с тарелкой? Способны ли они мгновенно определить погоду в доме: ясная она или хмурая? А погода в тех комнатах была столь же переменчивой, как Девон в мае.

Плоский светящийся жучок

Миссис Бортвик – дама уравновешенная, смешливая, проницательная, красивая, как породистая лошадь – могла бы послужить образцом женщины, которая умеет жить в свое удовольствие, но я не видела способа подобным образом устроить свою жизнь. Тем не менее, гордость не позволяла мне признаться – кроме как самой себе, – что по собственной глупости я оказалась в столь плачевном положении. Я нарастила на себе зеркальную броню, отражавшую любую попытку выразить мне сочувствие. Боль от осознания того, что я нелюбима, я отпихнула подальше, туда, откуда она меня не могла бы достать. Я стала подобной тем плоским светящимся жучкам, что живут в гнилой древесине, существом, не имеющим объема и способным исчезнуть в самой узкой щели.

Личная компаньонка

Мы направлялись в Чатемские казармы, откуда нам предстояло отплыть в Гибралтар, и в пути у меня начались схватки. Когда стало ясно, что я рожаю, до Чатема было еще далеко, и мы, пребывая в замешательстве, остановились на бедном постоялом дворе в не самом благополучном районе Бата.

Почувствовав схватки, я расплакалась, потому как с первым приступом резкой боли пришло понимание того, во что до этого я отказывалась верить: назад пути нет. А, начав плакать, остановиться я уже не могла. Все те годы, что я сдерживала слезы, старалась не унывать, угождать и говорить только общепринятые вещи, а также странные месяцы супружеской жизни с человеком, до которого невозможно достучаться – все эти горести, что я в себе подавляла, комом подступили к горлу.

Энн о деторождении знала немногим больше меня, ведь она была еще девчонкой. А схватки усиливались, интервалы между ними сокращались, и я видела, что она напугана. Женщине, которая всего день как приехала в город, негде было искать повитуху, так что мне пришлось прибегнуть к услугам жены хозяина харчевни.

Женщина она была суровая. Сразу дала понять, что не станет миндальничать с роженицей, которая не взяла на себя труд подготовиться к тому, что ее ожидало. Но дело свое она знала и не отходила от меня, пока я бултыхалась в кошмарных водах боли, страха и хаоса. Время приостановилось, замерло. Время можно было измерить только передышками между немилосердными схватками, когда казалось, что некий безжалостный кулак стискивает мое нутро. В моменты этих передышек – длиной сначала в шесть вздохов, потом трех, потом одного – я становилась самой собой: чувствовала, как грудь наполняется воздухом и сдувается; ощущала вкус воды, которую подносила мне Энн, чтобы я смочила рот; знала, что жизнь продолжается, время идет, как обычно. Но каждое мгновение облегчения оборачивалось лишь издевательской прелюдией к новому кошмару. Боль возвращалась. В первые секунды далекая, она затем накрывала меня с головой, обволакивала, пронзала изнутри, засасывая воздух и время, швыряя меня в вечность нестерпимых мук. Потом схватки слились в один непрерывный поток адской боли, не прекращавшейся ни на долю секунды. Я барахталась в скрежещущем мраке, которому не было до меня никакого дела, который лишь стискивал и сдавливал меня, пока во мне не осталось ничего человеческого, пока я не превратилась в вопящее животное.

Голос жены хозяина постоялого двора был единственной ниточкой, что связывала меня с жизнью, с самой собой, пробирающейся по колдобинам умопомрачительного мрака. Но вот только она не мучилась так, как я. Этот путь женщина вынуждена пройти в одиночку. И на нем я столкнулась с холодной безучастной истиной: каждый человек – даже тот, кого любят, а меня не любили – одинок. На всем белом свете я была одна-одинешенька, и это потрясло меня до глубины души.

Ребенок, которого вложила мне в руки жена хозяина гостиницы, и близко не был похож на пухленьких младенцев, что я видела – миленькие крошечные сверточка, передаваемые из рук в руки в комнате, полной улыбающихся людей. Мой напоминал уродливую обезьянку: ножки, как палки, лиловые ручки, большой круглый живот. Казалось, он вот-вот испустит дух: из ротика, что беспрерывно открывался и закрывался, вылетало лишь жалкое хныканье.

Жена хозяина гостиницы забрала у меня малыша. Взмокшая, обмякшая, я лежала пластом на кровати, словно мертвец, выуженный из моря. Наверное, это были худшие часы в моей жизни. Убогий постоялый двор, хилый младенец. Энн пыталась напоить и накормить меня, совала мне под нос накрошенный хлеб в молоке, а мне было не до еды. Бедная девочка, ею двигали добрые побуждения, но мне от нее не было пользы. Глядя на лицо Энн, я видела чужого

мне человека. И сознавала, что мир, в котором я теперь находилась, гнусное грязное место, где я одинока, одна, совершенно одна. Я снова расплакалась, разрыдалась, захлебываясь слезами, которые лились неиссякаемым потоком. О горе, горе мне!

Жена хозяина гостиницы вернулась и положила рядом со мной сверток с выкупанным младенцем, а сама села на стул и скрестила на груди крепкие толстые руки. В ее умных маленьких глазках, пристально наблюдавших за мной, я не заметила ни капли участия. Мне стало ясно: она точно знает, что произошло в моей жизни, знает всю мою банальную историю, хотя ей о том никто не рассказывал.

– Миссис Макартур, – наконец произнесла она, заглушая мои всхлипы. Я ждала, что она сейчас наклонится ко мне, возьмет меня за руку, может быть, скажет в качестве утешения несколько избитых фраз.

Я приготовилась заплакать сильнее, потому как была уверена, что мое горе не смягчить никакими увещеваниями.

– Миссис Макартур, – повторила она, – только дурак не догадался бы, сколь незавидно ваше положение.

Говорила она спокойным тоном, будто объясняла, как добраться из Бриджрула до постоянного двора «Ред-Пост». Она ненадолго умолкла, разглядывая меня, мое лицо, облепленное намокшими от слез прядями. Эти ужасные налипшие на щеки волосы были частью моего горя, в котором я хотела утонуть. Я не стала убирать их с лица.

– Вы сражены, сломлены, это ясно как божий день, – продолжала она. – И я не стану говорить то, что могли бы сказать другие: «По крайней мере, у вас чудесный сын». Потому что дитя ваше – жалкое существо. Если честно, на ладан дышит.

Мне подумалось, что в ее обличье сам дьявол явился, дабы посмеяться надо мной.

– Вы для меня чужой человек, поэтому я могу говорить прямо, не щадя ваших чувств, – продолжала она. – На своем веку я повидала немало покойников, потому скажу так: из того неприятного положения, в котором вы оказались, вам никто не поможет выбраться, – во всяком случае, на этом свете.

Я приготовилась услышать нечто набожное вроде того, что «пути Господни неисповедимы».

– И не на этом тоже, сдается мне, – добавила она, зная, о чем я думаю. Как ни старайтесь.

Она рассмеялась. Это было пугающее зрелище. Лицо ее будто развалилось на отдельные черты: нос, большие шершавые щеки, рот.

– Что касается вас, девонька, у вас впереди долгие годы жизни, – сказала она. – Если угодно, потратьте их на жалость к себе, как сейчас, ожидая лучших времен, которые никогда не наступят. И в целом мире не найдется ни одного человека, который остановил бы вас, если это будет ваш выбор.

Она встала, опустила рукава, застегнула их, словно кладя конец разговору.

– И напоследок вот что еще скажу вам, девонька. Жизнь длится долго. И поворотов в ней столько, что не счесть. Женщина способна на многое, но она должна дожидаться своего часа.

Хозяйка гостиницы удалилась, уведя с собой Энн, а я – от ее суровых речей, оттого что она не попыталась утешить меня – заплакала еще сильнее. Лежала на кровати, предаваясь своему горю, а накопившиеся слезы все лились и лились из глаз, стекая по подбородку. Ничего не изменилось, никто не пришел. Только тихая комната, затихший рядом со мной младенец и я сама, слушавшая собственные охи и всхлипы.

Я могла бы плакать так вечно, могла бы умереть от своего безудержного отчаяния, но спустя какое-то время слезы просто иссякли. Последний судорожный всхлип сменился икотой. И потом все было кончено.

Младенец слабо шевельнулся, издал немощный писк, повернул ко мне головку, дернул крошечным кулачком. Мы с ним оба были заложниками одних и тех же обстоятельств. Подле

меня лежал жалкий уродливый ошметок жизни, который не умел ничего – только пищал, подергивал кулачком размером с грецкий орех и слепо вертел головкой. И во мне проснулось некое щемящее чувство к нему. Я взяла его на руки. Его мутные глазки, казалось, смотрели прямо на меня, ротик кривился. Если ему суждено выжить, осознала я, то только потому, что я не дам ему умереть. Несчастное чахлое создание. Кто же его будет любить, если не я?

Тайное знание

И вот в комнату вернулся мой муж, чужой мне человек. От него разило сигарами и ромом. Я к этому времени уже сидела в подушках с ребенком на руках. Энн принесла воды, тряпочку, чистую ночную сорочку. Она бережно вытерла мне лицо и зачесала назад мои волосы.

– Дорогая, – произнес он, и в кои-то веки в его ласковом обращении действительно слышалась нежность.

Но он избегал моего взгляда. В каком-то смысле он боится меня, догадалась я. Мне пришлось пройти через боль и страх, как и всякая женщина, во время родов я соприкоснулась со смертью. Я проявила стойкость, какой от него жизнь никогда не потребует. Я вернулась со знанием того, что ему познать не суждено. Это – тайное знание, потому как о нем нельзя рассказать. Чтобы овладеть им, нужно пережить то, что пережила я.

Мистер Макартур посмотрел на ребенка, откинул с его лица уголок пеленки. Промолвил: – Н-да.

По его тону нетрудно было догадаться, что, как и я, он ожидал увидеть розовенького ангелочка, а не это сморщенное существо. Он коснулся пальцем маленькой щечки, словно проверяя, жив ли новорожденный. Малыш повернул головку, его веки с голубыми прожилками затрепетали.

– Мой сын. – В голосе мужа сквозила неуверенность, но он искренне старался соотнести свою горделивую фразу с крохой, что он видел перед собой. Он мельком глянул на меня, будто на яркий свет. Сказал:

– Пожалуй, Эдвард. Эдвард Макартур. По-моему, звучит прекрасно, как вы считаете?

Мистер Макартур искал способ вернуться в свой привычный мир, туда, где он способен взнуздывать обстоятельства и направить их в желаемое русло.

До родов я думала над именами. Девочку хотела назвать Джейн – в честь доброй миссис Кингдон, мальчика – Ричардом, в честь отца, или, может быть, Джоном – в честь дедушки.

– Я выбрала имя Ричард, – сказала я мужу. – В честь отца. Так что, наверное, пусть будет Эдвард Ричард.

Говорила я мягким доброжелательным тоном. Ведь еще совсем недавно я тонула во мраке ужаса, но вынырнула, выжила. Снова стала самой собой и надеялась, что больше себя не потеряю. Я могла себе позволить быть великодушной к человеку, которому не даны такие привилегии.

Много лет назад свое подлинное «я» я скрутила в тугой комок и запрятала глубоко-глубоко в себе. И это сослужило мне хорошую службу. Но теперь я снова расправилась, причем слишком бурно, слишком опрометчиво – не в том месте, не в то время и не с тем человеком. Однако между той Элизабет, что была сжата до крошечных размеров, и той, которая слишком быстро поверила, что не будет беды, если я расправлюсь, во мне сохранялся стержень, и он никуда не денется после того, как будет убрано все остальное. Этот стержень и теперь был во мне, и будет всегда. Та женщина, в какую я переродилась, не отвернется к стене, не станет растрчивать свою жизнь на жалость к себе, сетуя на судьбу. С этой драгоценной крупинкой своего подлинного «я» она вступит в будущее.

Вторжение

Я надеялась, что Эдвард начнет крепнуть, как только мы благополучно устроимся в казармах Чатема, но он оставался болезненным ребенком; почти не прибавлял в росте и весе, непрерывно скулил у меня на руках. Мы с Энн лучше узнали друг друга за те долгие ночи и дни, что по очереди пытались успокаивать его. Усаживали и укладывали малыша, кормили его, помогали ему отрыгивать, туго пеленали и оставляли незапеленатым. В конце концов Энн сделала из шали нечто вроде гамака, в котором крепко привязывала его ко мне, и благодаря ее изобретательности мы иногда получали передышку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.